

ГИЛЬЕРМО ДЕЛЬ ТОРО
ДЭНИЕЛ КРАУС

ФОРМА
ВОДЫ

Дэниел Краус Гильермо дель Торо Форма воды

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34119047
Форма воды: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107764-8*

Аннотация

1962 год. Элиза Эспозито работает уборщицей в исследовательском аэрокосмическом центре «Оккам» в Балтиморе. Эта работа – лучшее, что смогла получить немая сирота из приюта. И если бы не подруга Зельда да сосед Джайлз, жизнь Элизы была бы совсем невыносимой.

Но однажды ночью в «Оккаме» появляется военнотружущий Ричард Стрикланд, доставивший в центр сверхсекретный объект – пойманного в джунглях Амазонки человека-амфибию. Это создание одновременно пугает Элизу и завораживает, и она учит его языку жестов. Постепенно взаимный интерес перерастает в чувства, и Элиза решается на совместный побег с возлюбленным. Она полна решимости, но Стрикланд не собирается так легко расстаться с подопытным, ведь об амфибии узнали русские и намереваются его выкрасть. Сможет ли Элиза, даже с поддержкой Зельды и Джайлза, осуществить свой безумный план?

Содержание

Первобытное	5
Женщина без образования	52
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Гильермо дель Торо, Дэниел Краус Форма воды

© 2017 by Necropolis, Inc.;

© 2017 by James Jean

© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Любви – во всех ее формах и обликах

Смерть – это быстрый, как вода, поток:

Уносит травинку, уносит цветок.

Быстрый как выдох, быстрый как вдох.

А горе... тот лист, что без воды засох.

Конрад Эйкен

*Не имеет значения, тепла вода или холодна, если
вы собираетесь перейти ее вброд.*

Пьер Тейяр де Шарден

Первобытное

1

Ричард Стрикланд читает коммюнике генерала Хойта.

В этот момент он находится на высоте в одиннадцать тысяч футов, и самолет с двух моторах трясет так, словно его лупит огромный боксер. Это последнее звено длинного перелета: Орlando – Каракас – Богота – Пиуайяль, последний – крохотная точка на карте где-то там, где сжимаются костяшки из кулака, пальцы которого – Перу, Колумбия и Бразилия.

Коммюнике – типичное армейское сочинение, оно испещрено черными отметинами редатуры. Оно рассказывает, дробной армейской поэзией, легенду о живущем в джунглях божестве.

Бразильцы именуют его Deus Brânquia.

Хойт желает, чтобы Стрикланд сопровождал охотников, помог им поймать обитающее в джунглях существо, кем бы или чем оно ни было, и приволок его в Америку.

Стрикланд сделает это с радостью, ведь это будет его последнее задание для генерала Хойта, он в этом уверен. То, что Ричард творил в Корее, находясь под командованием Хойта, привязало его к генералу на двенадцать лет.

Их взаимоотношения – некая форма шантажа, и Ричард хочет от них избавиться, смыть, как грязь. Он завершит эту работу, самую важную в своей карьере, и обретет достаточное количество заслуг, чтобы отказаться от службы Хойту. Затем он сможет отправиться домой, к Лэйни и детям, Тимми и Тэмми: он станет настоящим мужем и отцом, будет играть ту роль, которую невозможно исполнять, делая грязную работу для генерала.

Он станет новым человеком. Он сможет быть свободным.

Стрикланд вновь обращается к коммюнике, подстраивается под мозолистый и грубый склад ума, обычный для армии.

Эти жалкие ублюдки там внизу, в Южной Америке, – они бедны не потому, что не умеют засеивать свои поля, нет, это Жабробог недоволен тем, что они лезут грязными человеческими лапами в джунгли.

Коммюнике все в кляксах, поскольку в самолете что-то капает с потолка. Стрикланд вытирает бумагу о штаны и читает: армия США верит, что Deus Brânquia имеет большое военное значение, и работа Стрикланда будет состоять в том, чтобы приглядывать за «интересами США» и держать команду охотников, как определяет Хойт, «мотивированной».

Стрикланд из первых рук знает теории мотивации, которых придерживается генерал.

Думай о Лэйни.

Хотя нет, учитывая то, что он должен сделать, лучше о

ней не думать.

Португальские богохульства пилота оправданны, посадка – чистый ужас. Посадочная полоса буквально вырублена в джунглях.

Стрикланд, шатаясь, выходит из самолета и окунается в жару, как в воду, в дрожащее марево. Колумбиец в гавайских шортах и майке с логотипом «Бруклин доджерс» машет ему от пикапа. Маленькая девочка, сидящая в кузове, швыряет банан ему в голову, но он слишком утомлен полетом, чтобы реагировать.

Колумбиец отвозит его в «город», три небольших квартала, где скрипят колеса тележек с фруктами и бегают босые вислопузные дети. Стрикланд забредает в магазин и делает покупки, руководствуясь инстинктом: зажигалка, жидкость от насекомых, тальк для ног, герметичные пакеты.

Прилавок, по которому он пихает песо, потеет слезами сырости.

Он изучал разговорник во время перелета и поэтому может спросить:

– Você viu Deus Brânquia?

Продавцы хихикают и дергают пальцами, приставив руки к шее.

Стрикланд совершенно не понимает, что это значит – эти люди пахнут остро и сильно, будто только что освежеванный скот. Он выходит наружу, на покрытую асфальтом дорогу, которая тает под подошвами, и видит шипастую крысу, что

ворочается в черном «навозе».

Она умирает, причем медленно, ее кости побледнеют и утонут в жидком асфальте.

Это лучшая дорога, которую Стрикланд увидит за следующие полтора года.

2

Звонок встряхивает прикроватный столик.

Не открывая глаз, Элиза нащупывает ледяную кнопку на макушке будильника. Только что она купалась в глубоком, мягком и теплом сновидении, и она хочет вернуться туда, отодвинуть минуту мучительного пробуждения.

Но сновидение ускользает, прячется в глубине, как всегда.

Там была вода, темная вода – это она помнит, и тонны воды давили на Элизу, но она не тонула. На самом деле она дышала в водной толще лучше, чем она дышит здесь, проснувшись, в продуваемых насквозь комнатах, пропахших дешевой едой, освещенных моргающими лампами.

Большая труба завывает где-то внизу, кричит женщина.

Элиза вздыхает в подушку: пятница, и это значит, что новое кино начали показывать в «Аркейд синема», круглосуточном кинотеатре, расположенном под ее квартирой, и это означает новые диалоги, звуковые эффекты и музыкальные номера, которые ей придется интегрировать в свой ритуал пробуждения, если она хочет не подпускать к себе постоян-

ные, останавливающие сердце страхи.

Вслед большой трубе вступают малые, несется вопль множества людей.

Элиза открывает глаза, смотрит на будильник, который показывает 22.30, затем на полосы света от проектора, что прорываются через щели в полу, словно лезвия, насыщая пыльные половики фантастическими киношными цветами «Техниколор».

Она садится и изгибает спину, ощущая холод.

Почему воздух пахнет какао?

К странному запаху присоединяется неприятный шум: сирена пожарной машины откуда-то с севера, от Паттерсон-парка. Элиза опускает ноги на ледяной пол, и наблюдает, как двигается и вспыхивает под ней свет проектора.

Новый фильм, по крайней мере, ярче, чем предыдущий, черно-белая картина под названием «Карнавал душ»¹, и разноцветное сияние, струящееся по ее ступням, позволяет на миг скользнуть обратно в сновидение, в мечту. Там у нее много денег, просто огромное количество, и раблепный продавец надевает ей на ноги одни цветастые туфли за другими.

«О, вы выглядите восхитительно, мисс. В такой обуви вы покорите мир».

¹ Художественный фильм в жанре «ужасы» режиссера Херка Харви. Особого успеха в год выпуска – 1962 – не имел, но со временем обрел статус культового и стал источником вдохновения для Дэвида Линча и Джорджа Ромеро. (*Здесь и далее – примеч. ред.*).

Но увы, это мир покори́л ее.

Никакое количество безделушек, купленных за пенни по гаражным распродажам и прищипленных к стенам, не в состоянии скрыть попорченное термитами дерево или спрятать тараканов, что разбегаются, едва она включает свет.

Элиза выбирает не замечать все это – единственная надежда продержаться эту ночь, следующий день, последующую жизнь. Она отправляется на кухню, ставит таймер, бросает три яйца в ковшик с водой и бредет в ванную.

К омовению Элиза готовится с удовольствием, она медленно снимает пижаму, слушая, как набирается вода. Работающие дамы, которые порой оставляют женские журналы на столиках кафетерия, и бесчисленное количество статей научили ее тому, на каких частях тела стоит сосредоточить внимание.

Но груди и бедра не могут сравниться с пухлыми розовыми шрамами, что «украшают» ее шею с двух сторон.

Она наклоняется к зеркалу до тех пор, пока не ударяется о стекло обнаженным плечом. Каждый из шрамов длиной в три дюйма и тянется от яремной вены до гортани. Далеко-далеко продолжают надрываться сирены – она прожила всю жизнь, тридцать три года, в Балтиморе и в состоянии отследить маршрут любой пожарной машины.

Шрамы на ее шее тоже похожи на карту дорог, ведь так? Карту мест, о которых лучше не помнить.

Если погрузиться под воду с головой, то звуки кинотеатра

становятся еще громче.

«Умереть за Хамоса – значит жить вечно!» – кричит де-вушка из кино, и Элиза не может сообразить, слышит она именно эти слова или другие. Она мнет в руках кусочек мыла, наслаждаясь ощущением того, что она сейчас более мокрая, чем вода, такая скользкая, что может струиться через жидкость подобно рыбе. Впечатление от этой приятной мечты прижимается к ней, тяжело, словно тело мужчины, и это неожиданно, ошеломляюще эротично.

Она бывала на свиданиях, занималась сексом, все это было. Годы назад.

Если мужчина встречает немую женщину, то немедленно пытается этим воспользоваться. Никогда никто из них не пытался заговорить с ней, они просто хватали и держали, словно она, лишенная голоса точно животное, и была не более чем животным.

Мужчина из мечты, сколь бы иллюзорным он ни был, – лучше.

Но таймер, его inferнальное пиликанье разбивает на осколки мокрый теплый мир. Элиза вздрагивает, чувствуя себя смущенной не смотря на то, что она одна, и поднимается, ее конечности медленно сохнут. Она заворачивается в халат и шлепает на кухню, где отключает плиту и обнаруживает плохие новости на циферблате часов: 23:07.

И где она потеряла столько времени?

Она втискивается в наугад выбранный лифчик, застегива-

ет попавшуюся под руку блузу, гладит взятую наугад юбку. В мечте она ощущала себя безумно живой, сейчас же столь же инертна, как те яйца, что охлаждаются на тарелке. В спальне тоже есть зеркало, но она выбирает не смотреть в него, просто на тот случай, что она в самом деле невидима.

3

Едва Стрикланд находит пятидесятифутовое судно в назначенном месте, он пускает в ход зажигалку, чтобы сжечь коммюнике от Хойта.

Стандартная процедура.

«Теперь весь лист черный, – думает он. – Весь лист полностью отредактирован».

Само судно, подобно всему остальному, оскорбляет его военные стандарты: это мусор, приколотенный к мусору. Дымовая труба напоминает измятую грязную жестянку. Шины, развешенные по бортам, выглядят спущенными, а единственный кусочек тени дает простыня, растянутая на четырех шестах.

Да, будет жарко. Это хорошо.

Поможет выжечь мучительные мысли о Лэйни, о холодном и чистом доме, о шепоте пальм за окном. Вскипятит мозг, превратит его в клубок ярости, с помощью которого только и можно выполнить эту миссию.

Грязная коричневая вода пенится под досками пристани.

Одни члены команды белые, другие – загорелые, третьи – красно-коричневые. Некоторые покрыты татуировками и носят серьги.

Все тащат сырые ящики по доскам, которые опасно проседают под ногами. Стрикланд шагает следом и вступает на борт суденышка, носящего имя «Жозефина». Крохотные иллюминаторы предполагают наличие нижней палубы, достаточно большой, чтобы вместить капитана.

Само слово «капитан» терзает его.

Хойт здесь единственный капитан, а Стрикланд – его заместитель, и он вовсе не в настроении тратить время на слабоумного корабельщика, который думает, что он тут главный. Он находит капитана, мексиканца в очках и с белой бородой, в белой рубашке, белых штанах и белой шляпе, напевающего что-то под аккомпанемент широких жестов.

– Мистер Стрикланд! – кричит капитан, и Стрикланд чувствует, что попал в одну из серий «Луни тыюз», мультика, который смотрит сын: мииистер Стриикланд!

Он запихал имя капитана в память, пролетая над Гаити: Рауль Ромо Савала Энрикес. Оно подходит, помесь банальности и помпезности.

– Смотрите! Скотч и кубинские, мой друг! Все для вас, – Энрикес подает сигару, зажигает собственную и наполняет два бокала.

Стрикланда обучали не пить на работе, но он позволяет капитану произнести тост.

– ¡To la aventura magnífico!²

Они пьют, и Стрикланд позволяет себе мысль: все не так плохо.

Что угодно, чтобы проигнорировать, пусть на время, нависающую тень генерала Хойта и то, что может случиться с будущим Стрикланда, если он не сумеет правильно «мотивировать» Энрикеса. Пока он прихлебывает скотч, жар в его внутренностях уравнивается с царящим снаружи зно-ем.

Энрикес – человек, тратающий слишком много времени, выдувая кольца из табачного дыма.

Они совершенны.

– Курите, пейте, берите удовольствие! Вам придется забыть о такой роскоши! Хорошо, что вы приехали не поздно, мистер Стрикланд. «Жозефине» не терпится отправиться в путь. Подобно Амазонии, она не ждет человека.

Стрикланду не нравится подтекст.

Он опускает свой бокал и смотрит на собеседника.

Энрикес смеется, хлопает в ладоши.

– Люди вроде нас, пионеры *Êsertao*!³ Нет необходимости выражать воодушевление! *Los brasileños*⁴ оказывают нам честь словом *sertanista*⁵. Такой яркий начальный звук «си».

² За великолепное приключение! (*португ.*)

³ Сертан – мезорегион Бразилии, дословно с португальского – пустыня.

⁴ Бразильцы (*португ.*).

⁵ Сертанцы (*португ.*).

Движет кровь?

Энрикес в отупляющих деталях пересказывает свой визит в филиал Института морской биологии. Клянется, что держал – его собственными *dos manos*!⁶ – окаменелые остатки того, что напоминало описание *Deus Brânquia*⁷. Ученые датируют их девонским периодом, который, вы знаете, мииистер Стриикланд, является частью палеозойской эры?

Именно это – подчеркивает Энрикес – и привлекает таких людей, как они, в Амазонию. Туда, где все еще процветает примитивная жизнь, где можно перевернуть календарь в обратную сторону и коснуться того, чего невозможно коснуться.

Стрикланд терпит, не задает вопрос больше часа, но потом сдается:

– Вы получили карты?

Энрикес втыкает сигару в пепельницу и хмурится в сторону иллюминатора. Обнаруживает нечто, достойное ухмылки и повелительного жеста.

– Видите татуировки на лицах? Вставленные в носовую перегородку шипы? Индейцы, вовсе не такие, как ваш Тонто⁸ из кино. Это *indios bravos*⁹. Каждый километр по Амазон-

⁶ Руками (*португ.*).

⁷ Жабробога (*португ.*).

⁸ Вымышленный персонаж, американский индеец, спутник Одинокого рейнджера.

⁹ Отважные индейцы (*португ.*).

ке от Негро-Бранко до Шингу они ведают знанием крови. Из разных четырех племен пришли они. И я взял их проводниками! Невозможно, мистер Стрикланд, чтобы наша экспедиция заблудилась.

Стрикланд повторяет:

– Вы получили карты?

Энрикес обмахивается шляпой:

– Ваши американцы прислали мне оттиски. Очень хорошо. Наша *expedição científica*¹⁰ будет следовать их извилистым линиям так долго, как только будет возможно. Затем, мистер Стрикланд, мы идем пешком. Мы найдем *vestigios*¹¹, остатки древних племен. Эти люди пострадали от современности больше, чем вы можете вообразить. Но мы придем с миром. Мы предложим подарки. Если *Deus Brânquia* существует, то они будут теми, кто скажет нам, где найти его.

Если использовать термины Хойта, то капитан хорошо мотивирован.

Стрикланд сделал свое дело, но он в то же время замечает и беспокоящие признаки. Если Стрикланд знает что-то о диких землях, то лишь то, что они пачкают тебя, изнутри и снаружи. Ты не будешь носить белую одежду, если имеешь представление о том, что тебя ждет впереди.

¹⁰ Научная экспедиция (*португ.*).

¹¹ Остаток (*португ.*).

Элиза избегает западной стены своей спальни до последнего момента, чтобы вид ее вызвал у нее вдохновение. Комната мала, и стена не очень велика, восемь футов на восемь, и каждый фут занимают туфли, купленные на протяжении лет в бюджетных магазинах и секонд-хендах.

Легкие как перо «лодочки» оттенка цветущей вишни, двухцветные «Кастомкрафт» с носками, похожими на садовые лопатки. Обтянутые сатином цвета шампанского с открытым носком, похожие на груды оборок со свадебного платья. Трехдюймовые «Таун&Кантриз», ярко-алые: если их надеть, то все выглядит так, словно ноги твои покрыты розовыми лепестками. В угол изгнаны испачканные домашние туфли без ремешка, сандалии с висячей пяткой, дешевые кроссовки и уродливые туфли из нубука, имеющие лишь сентиментальную ценность.

Каждая пара висит на крохотном гвоздике, который она, обычный квартиросъемщик, не имела права вбивать. Времени почти не остается, но она все равно тратит его, чтобы выбрать лодочки «Дейзи» с голубыми кожаными цветками на гладком носке, и делает выбор неспешно, словно он имеет невероятное значение.

Так и есть.

«Дейзи» станут ее мятежом, восстанием, которое она по-

несет с собой этой ночью. Ноги – это то, что соединяет тебя с землей, и, когда ты беден, ни единого клочка этой земли тебе не принадлежит.

Она сидит на кровати, обуваясь.

Надевает туфли, словно рыцарь – пару стальных перчаток.

Шевелит пальцами, устраивая ступню, и позволяет взгляду скользнуть по комнате туда, где висится кипа черных, словно покрытых копотью пластинок. Большая часть их куплена много лет назад, и почти все несут воспоминания о радости и веселье, впрессованные вместе с музыкой в полимерный пластик.

«Голос Фрэнка Синатры»¹²: утро, когда она помогла регулировщику у школы спасти пушистых коричневых цыплят из-под канализационной решетки. «Прыжок на час» Каунта Бейси¹³: когда она увидела побитый жизнью бейсбольный мяч, редкий, как красноногий сокол, вылетевший из Мемориального стадиона и отскочивший от пожарного гидранта. «Звездная пыль» Бинга Кросби¹⁴: день, когда она и Джайлс

¹² Первый студийный альбом Фрэнка Синатры, выпущенный в 1946 г.

¹³ Уильям «Каунт» Бейси (1904–1984) – американский пианист и аранжировщик, руководитель джаз-оркестра и яркий представитель свинга. Упомянутая композиция – One O’Clock Jump – была написана в 1937 году и стала классикой джаза.

¹⁴ Гарри Лиллис «Бинг» Кросби (1903–1977) – американский актер и певец, первый белый исполнитель с подлинным чувством свинга. За время своей долгой карьеры записал совместные песни с Луи Армстронгом, получил премию «Оскар», а также стал первым американским эстрадным певцом, которому впоследствии подражали и Фрэнк Синатра, и Дин Мартин. Упомянутая композиция –

смотрели на Стэнвик и МакМюррэя в «Запомни ночь»¹⁵, сидя в кинотеатре внизу, и Элиза пролежала на кровати остаток вечера, гадая, смогла бы она, подобно сыгранной Стэнвик добросердечной воровке, отбыть заключение, если некто похожий на МакМюррея ждал бы ее освобождения.

Достаточно: это бессмысленно.

Никто не ждет ее, и никто никогда не ждал, и меньше всего – рабочее расписание.

Она надевает плащ, берет тарелку с яйцами.

Необычный запах какао становится сильнее, когда она выходит в короткий коридор, заваленный пыльными бобинами, содержащими неизвестно какие целлулоидные сокровища. Поворачивает направо, к соседней квартире, их всего две над кинотеатром. Стучит дважды, и после этого входит.

5

Примерно через час они отплывают.

Счастье, говорят проводники, сейчас сухой сезон, называемый в этих местах *verão*¹⁶. Трагедия – сезон дождей; никто

Stardust – была создана в 1927 году, а Бинг Кросби выпустил свою версию этой ставшей классической песни в 1931-м.

¹⁵ «Запомни ночь» – американская романтическая комедия 1940 года. Барбара Стэнвик (1907–1990) – американская актриса, снялась в более чем 150 фильмах, обладательница премии «Оскар». Фред МакМюррэй (1908–1991) – американский актер, снялся в более чем 140 фильмах.

¹⁶ Лето (*португ.*).

не осмеливается сказать Стрикланду, какое имя он носит. Наследие предыдущего сезона дождей – *furos*¹⁷, переполненные водой протоки, позволяющие кое-где срезать путь по бесконечным извивам реки.

Эти петли через старицы превращают Амазонку в животное.

Оно мчится. Оно прячется. Оно набрасывается.

Энрикес вопит от восторга и орудует дросселем, и зеленые густые джунгли наполняются ядовитым черным дымом. Стрикланд мертвой хваткой держится за ограждение, смотрит на воду, коричневую, как молочный шоколад, с пеной цвета зефира.

Пятнадцатифутовые стебли слоновьей травы шелестят на берегах, двигаются, как спина исполинского просыпающегося медведя.

Энрикесу нравится передавать управление первому помощнику, чтобы он сам мог делать записи в журнале. Он хвастается, что пишет для того, чтобы издать книгу и прославиться, что каждый узнает имя великого исследователя Рауля Ромо Савала Энрикеса. Он ласкает кожу переплета, словно мечтая о фото автора, таком, где он лучится самодовольством.

Стрикланд душит свою ненависть, отвращение и страх. Все три мешают.

Все три выдают тебя.

¹⁷ Отверстия (*португ.*).

Хойт научил его этому в Корее. Просто делай свою работу.

Идеальное чувство – не испытывать ничего вообще.

Однообразие тем не менее может быть самым тихим и незаметным убийцей в джунглях. День за днем «Жозефина» скользит по бесконечной ленте воды под кружащимися спиралями тумана.

Однажды Стрикланд смотрит вверх и видит большую черную птицу, напоминающую сальное пятно на синем небе.

Стервятник.

И теперь, когда птица замечена, Стрикланд видит ее каждый день, делающую ленивые петли в высоте, ожидающую его смерти. Стрикланд хорошо вооружен: «Стонер М63» в руках и «Беретта» модели семьдесят в кобуре, и его одолевает зуд пристрелить крылатую тварь.

Стервятник – это Хойт, он наблюдает.

Стервятник – это Лэйни, она говорит «до встречи».

Он никак не может определиться.

Плавание в ночное время опасно, так что вечером судно обязательно встает на якорь. Стрикланд предпочитает оставаться в одиночестве на носу: пусть команда шепчется, пусть indios bravos смотрят так, словно он – явившееся из Штатов чудовище.

Этим вечером луна напоминает огромную дыру, прорезанную в плоти ночи, чтобы открыть бледную, сверкающую кость, и он не замечает, как подкрадывается Энрикес.

– Вы видите? Резвящееся розовое?

Стрикланд злится – не на капитана, на себя.

Солдат должен следить за своей спиной. И еще его застали плящимся на луну.

Это так женственно; нечто подобное могла делать Лэйни во время прогулки под ручку.

Он пожимает плечами, надеясь, что Энрикес уйдет прочь, но тот лишь машет своим журналом. Стрикланд смотрит туда, куда указывает капитан, и видит нечто скользнувшее по поверхности воды, породив каскад брызг.

– Boto¹⁸, – говорит Энрикес. – Речной дельфин. Что вы думаете? Два метра? Больше? Только самцы такие розовые. Нам повезло, что мы увидели его. Не любят общества. Самцы держатся поодиночке.

Стрикланд гадает, играет ли с ним Энрикес, насмехается ли он, рассказывая о привычках речной твари. Капитан снимает соломенную шляпу, и белые волосы блестят в лунном свете как серебро.

– Вы знаете легенду о boto? Я полагаю, что нет. Вас учили тому, что связано с оружием и пулями, э? Многие туземцы верят, что розовый дельфин – encantado¹⁹, оборотень. Ночами вроде этой он превращается в мужчину невероятной привлекательности и отправляется в ближайшую деревню. Его можно узнать по шляпе, которую он носит, чтобы скрыть ды-

¹⁸ Тунец (*португ.*).

¹⁹ Заколдованный (*португ.*).

хательную дыру. В этом обличии он совращает красивейшую женщину и затем уходит в свой дом под водой. Ждите и наблюдайте. Немногие женщины решатся выйти к реке ночью, так как они боятся похищения *encantado*. Только я думаю, что эта история полна надежды. Разве некий подводный рай не лучше, чем жизнь в бедности, насилии и инцест?

– Он приближается, – Стрикланд вовсе не собирался приносить это вслух.

– А! Тогда мы должны уйти к остальным. Они говорят, что если заглянуть в глаза *encantado*, то он проклянет тебя, и ты будешь видеть кошмары, пока не сойдешь с ума.

Энрикес хлопает Стрикланда по спине точно друг, хотя они вовсе не друзья, и шагает прочь, насвистывая. Стрикланд встает на колени рядом с ограждением, и дельфин уходит под воду, как игла в ткань. Вероятно, он знает, что такое корабль и люди. Вероятно, он хочет рыбных очистков.

Стрикланд вынимает «Беретту» из кобуры и нацеливает туда, где должен вынырнуть дельфин. Веселенькие сказочки не имеют права на жизнь, грубая реальность – то, чего ищет Хойт, и именно ее должен обнаружить Стрикланд, если он хочет выбраться отсюда живым.

Очертания дельфина становятся различимы под водой. Стрикланд ждет.

Он хочет взглянуть этой твари в глаза.

Он сам будет тем, кто приносит кошмары. Он сведет эти джунгли с ума.

Внутри вторых съемных апартаментов ее приветствует счастливая толпа: домохозяйки, лучащиеся улыбками, ухмыляющиеся мужья, экстатические дети, самоуверенные подростки. Но они ничуть не более реальны, чем люди на экране кинотеатра, они все персонажи рекламы, и хотя все нарисованы с величайшим искусством, ни один не вставлен в рамку.

«Легко удаляющаяся водостойкая тушь для ресниц» используется, чтобы закрыть щель в стене. «Мягкая пудра Глофейс» подпирает качаемую сквозняками дверь. «Чулочки, которые выберут 9 из 10 женщин» предназначены для того, чтобы служить столом, на котором громоздятся жестянки с краской.

Подобное отсутствие гордости расстраивает Элизу, но все пять обитающих тут котов с ней не согласны. Разбросанные холсты создают прекрасные игровые площадки, где можно всласть поноситься за мышами.

Один из котов трется мордочкой о парик, сидящий на вершухе человеческого черепа, называемого Анджеем – по какой именно причине его именуют так, Элиза не помнит. Художник, Джайлс Гандерсон, шипит, и кот отпрыгивает от черепа, сердитым мяуканьем намекая, что еще отомстит.

Джайлс опускает кисть и прищуривается под очками, за-

ляпанными краской. Вторая пара очков покоится на лбу над кустистыми бровями, третья украшает лысую макушку.

Элиза поднимается на носки своих «Дейзи», чтобы заглянуть ему за плечо, посмотреть на картину: семейство голов без тел парит над куполом из алого желатина, двое детей скалятся точно голодные приматы, отец выпячивает подбородок в восхищении, а мать выглядит довольной своим восторженным выводком.

Джайлс в данный момент сражается с губами папаши, и Элиза знает, что выражение лица персонажа терзает художника. Она наклоняется вперед и видит, что он сложил собственные губы в улыбку, которую пытается изобразить, и это настолько восхитительно, что Элиза не в силах удержаться.

Она нагибается и целует старика в щеку.

Он удивленно глядит вверх и хихикает.

– Я не слышал, как ты вошла. Сколько времени? Тебя разбудили сирены на улице? Держись крепче, ибо нас поразило величайшее бедствие: по радио сказали, что загорелась шоколадная фабрика. Можно ли представить что-то ужаснее? Полагаю, что детишки всюду мечутся во сне, – Джайлс улыбается под щегольскими тонкими усиками и поднимает руки с зажатыми в них кистями: одна красная, другая зеленая.

– Трагедия и удовольствие, – продолжает он. – Рука об руку.

В глубине комнаты черно-белый телевизор размером с коробку для обуви пульсирует статикой сквозь чрево вечерне-

го фильма: Боджанглес²⁰ танцует чечетку, двигаясь спиной вперед по лестнице. Элиза знает, что это зрелище повеселит ее друга, так что она быстро, пока Боджанглес не остановится ради Ширли Темпл, делает двумя пальцами знак «смотри».

Джайлс повинуетя и хлопает в ладоши, смешивая алую краску с зеленой. Боджанглес творит невероятные вещи, и Элиза стыдится накрывшей ее волны эгоцентричности. Она могла бы станцевать с ним лучше, чем Ширли Темпл, если бы только мир, в котором ей довелось родиться, был совершенно иным.

Она всегда хотела танцевать.

Поэтому и покупает туфли, заключенную в материю форму энергии, ожидающую, когда ее используют.

Она щурится на телевизор и отсчитывает ритм, игнорируя много более громкую музыку из кинотеатра внизу. А затем пускается отплясывать чечетку синхронно с Боджанглесом, и все выходит не так плохо. Когда он пинает очередную ступеньку, она пинает ближайший к ней предмет, стул Джайлса, и это заставляет его смеяться.

– Ты знаешь, кто еще мог бы так выступить на лестнице? Джеймс Кэгни²¹. Точно. Смотрели мы с тобой «Янки Дудл

²⁰ *Билл «Боджанглес» Робинсон* (1878–1949) – американский актер и танцор, один из изобретателей чечетки в ее современном виде. Известен также благодаря серии танцевальных фильмов с Ширли Темпл.

²¹ *Джеймс Кэгни* (1899–1986) – американский актер, вошедший в «Десятку величайших актеров в голливудской истории» Американского института киноискусства, а также получивший Президентскую медаль Свободы от Рональда Рей-

Денди»? О, мы должны. Он спускается по ступенькам. Выглядит на миллион баксов и начинает молотить ногами так, словно ему подпалили задницу. Полная импровизация, и это не говоря о том, насколько опасная. Но это искусство, настоящее искусство, оно всегда опасно, моя дорогая.

Элиза протягивает ему тарелку с яйцами и показывает знаками «поешь, пожалуйста».

Он печально усмехается и берет тарелку.

– Кажется, что без тебя я стал бы голодным художником в самом прямом смысле фразы. Разбуди меня, когда придешь домой, хорошо? Пойду прогуляюсь за покупками. Завтрак для меня, ужин для тебя.

Элиза кивает, но сурово указывает на шкаф-кровать, собранную, прижатую к стене.

– Когда природа зовет Джайлса Гандерсона, то он отвечает! – произносит художник. – Итак, обещаю, страна снов – для меня.

Он разбивает скорлупу о «Чулочки, которые выберут 9 из 10 женщин» и поднимает очки с глаз. Его лицо сохраняет улыбку, которую он пытается нарисовать, но улыбка сейчас чуть шире, и Элиза рада.

Только грохот фанфар, обозначающих финал фильма внизу, сотрясает ее и возвращает к жизни. Она знает, что случится дальше: слово «Конец» материализуется на экране, покатятся титры, вспыхнет свет и станет невозможно скры-

вать, кто ты есть на самом деле.

7

Местные жители – мутанты, им не мешает жара.

Они карабкаются, они идут, они рубят.

Стрикланд никогда не видел столько мачете, в этих местах их называют falcons²². Именуйте их как угодно, он возьмет свой М63, благодарю вас.

Путешествие по суше начинается на дороге, которую некий забытый герой пропахал через тропический лес. Вскоре они находят трактор, оплетенный выюнками, из сиденья торчат филодендроны.

Хорошо, он не будет стрелять, чтобы пройти через лес. Он берет мачете.

Стрикланд полагает себя сильным, но его мускулы становятся жидкостью уже к полудню. Джунгли, как и стервятник, замечают слабость, лианы срывают шляпы с голов, острые ветви бамбука царапают руки и ноги. Осы с жалами длиной в палец выются над похожими на свертки бумаги гнездами, только ожидая повода наброситься, и каждый, кто проходит мимо на цыпочках, вздыхает с облегчением.

Один человек прислоняется к дереву, кора начинает шевелиться.

²² Соколы (*португ.*).

Это не кора, дерево сплошь покрыто термитами, и они бегут по рукавам, ищут, где закопаться. У проводников нет карт, но они держат направление, держат направление, держат направление.

Проходят недели, может быть, месяцы. Ночи куда хуже дней.

Они снимают штаны, тяжелые от высохшей грязи, выливают литры пота из ботинок, и ложатся в гамаки, обмотанные сетями против mosquitos, беспомощные, как младенцы, и слушают, как квакают лягушки и как малярийно зудят крылышки летучих кровопийц.

Как можно испытывать клаустрофобию, когда вокруг столько пространства? Стрикланд видит лицо Хойта везде: в завитках древесного гриба, в рисунках на спине черепахи, в очертаниях, которые образует стайка летящих мимо попугаев. Лэйни он не видит нигде, он едва может ощущать ее как угасающий пульс, это тревожит его, но здесь столько всего, что тревожит его, секунду за секундой, час за часом, день за днем.

Много дней на ходу, и они достигают деревни *vestigios*.

Маленькая поляна, под крышами из листьев прячутся *malocas*²³, длинные семейные жилища, меж деревьев растянута шкура.

Энрикес бросается вперед, крича «мачете в ножны!».

Стрикланд повинует, но только для того, чтобы крепче

²³ Длинные дома (*португ.*).

сжать приклад. Оставаться вооруженным – его работа.

Минутой позже три лица появляются из темноты ближайшего maloca.

Стрикланд вздрагивает – тошнотворное ощущение в этой жаре.

Тела появляются следом за лицами, и лесные жители двигаются по поляне как пауки. Стрикланд чувствует себя больным при одном взгляде на них, винтовка в руках зудит, он почти слышит ее шепот.

«Уничтожь их».

Он шокирован этой мыслью, это мысль Хойта. Но выглядит соблазнительно, так? Закончи эту миссию побыстрее, отправься домой побыстрее, и тогда посмотрим, тот ли ты человек, что покинул Орландо.

Пока Энрикес аккуратно разворачивает подарки, сплошь утварь, а один из проводников пытается наладить общение, еще с дюжину vestigios выползают из мрака жилищ, чтобы посмотреть на его оружие, на его мачете, на белую словно у призрака кожу. Он ощущает себя освеженным и не видит удовольствия в намечающемся празднестве.

Кислые яйца дикой совы варятся на костре; некий уродский ритуал, включающий нанесение краски на лица и затылки гостей. Стрикланд просто переживает все это. Энрикес спует туда-сюда, расспрашивая местных о Deus Brânquia.

Лучше ему поторопиться.

Стрикланд готов вынести еще немало укусов насекомых,

но рано или поздно он пустит в ход свои методы.

Когда Энрикес отходит от костра, чтобы повесить гамак, Стрикланд преграждает ему путь.

– Ты сдался.

– Есть другие *vestigios*. Мы найдем их.

– Месяцы потрачены на путешествие по реке, и все зря?

– Они думают, что разговоры о Deus Brânquia лишат его божественной силы.

– Это может быть знаком, что он близко. Что они защищают его.

– О, вы начали верить?

– Не имеет значения, во что я верю. Я здесь, чтобы поймать его и уехать домой.

– Все не так просто, словно один защищает другого. Джунгли... как вы говорите? Вперед и назад? Существование вместе? Эти люди верят, что все в природе связано. Привести к своему божеству чужаков, таких как мы, – это как начать пожар. Все горит, – Энрикес опускает глаза на М63. – Вы держите оружие очень крепко, мистер Стрикланд.

– У меня семья. Вы готовы бродить по этому лесу год? Два года? Думаете, ваши люди будут подчиняться вам так долго? – он позволяет взгляду выразить чувства, и у Энрикеса не хватает сил, он отводит глаза.

Под грязной, некогда белой одеждой он напоминает скелет, сыпь от укусов на затылке гноится и кровоточит от расчесывания. Стрикланд видел, как капитан уходил в сторону

от тропы, чтобы поблевать вне поля зрения остальных. Он цепляется за свой журнал лишь ради того, чтобы не дрожали руки, и Стрикланду хочется швырнуть бесполезную грудку бумаги на землю и залить свинцом.

Может быть, это позволит Энрикесу остаться мотивированным.

– Молодые люди из местных, – капитан вздыхает. – Собрать их, когда старшие уснут. У нас есть лезвия к топорам и точильные камни для обмена. Можем договориться.

И они договариваются.

Подростки жадны к добыче и описывают Deus Brânquia в таких деталях, что Стрикланд чувствует, что и вправду верит. Это вовсе не легенда, как розовый дельфин. Это живой организм, некая разновидность рыбчеловека, она плавает, ест и дышит.

Мальчишки, очарованные картой Энрикеса, указывают на район притока Тапахос. Сезонные миграции Deus Brânquia не изменяются на протяжении многих поколений, переводит один из проводников.

Стрикланд говорит, что это не имеет смысла – разве тварь не одна?

Проводник спрашивает, один из мальчишек отвечает, что раньше было много, но теперь лишь одна. Некоторые из мальчишек начинают плакать, и Стрикланд понимает все так, что они беспокоятся, их жадность приведет к тому, что их Жабробог окажется в опасности.

Так и будет.

8

Два магазина находятся напротив автобусной остановки.

Элиза видела их тысячи раз, но ни разу не посещала ни один из них, поскольку ощущала, что это будет сродни тому, чтобы разбить мечту. Первый – «Костюшко Электроникс», и сегодняшнее предложение гласит «ТВ С БОЛЬШИМ ЦВЕТНЫМ ЭКРАНОМ, РАСКРАШЕННЫЕ ПОД ОРЕХ, – ФИНАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА», и несколько моделей, каждая с ножками как антенна спутника, мерцают в витрине, показывая финальные кадры дня. Американский флаг сменяется «Печатью благих намерений», а затем экран гаснет, подтверждая, что она опаздывает.

Она молится, чтобы пришел автобус. Кому сегодня молилась девушка в кино?

Хамосу? Может быть, Хамос действует быстрее, чем Бог.

Элиза переводит взгляд на второй магазин «Джулия Файн Шуз»; она не знает, кто такая эта Джулия, но сегодня она завидует ей так сильно, что близка к слезам – этой отважной, независимой женщине, начавшей бизнес на свой страх и риск, неизбежно красивой, с упругим пучком волос на голове и упругой походкой, столь уверенной в важности своего магазина для района Феллс-пойнт, что вместо того, чтобы выключить весь свет на ночь, она оставляет в витрине

маленькое пятно света, оно позволяет видеть единственную пару туфель, стоящих на колонне цвета слоновой кости.

И это работает. О да, оно работает.

Если Элиза не опаздывает, то она переходит через дорогу и прижимается лбом к стеклу, чтобы посмотреть. Эти туфли не принадлежат Балтимору, она не уверена, что они принадлежат чему-либо за пределами Парижа. Они как раз ее размера, с квадратными носками и с таким низким ремешком, что они соскользнули бы с ноги, если бы не щегольской, наклоненный внутрь каблук.

Они выглядят как копытца волшебного существа, единорога, нимфы, сильфиды. Каждый дюйм кожи украшен сверкающим серебром, и внутренности столь же блестящие, как зеркало – она может буквально разглядеть там собственное отражение.

Туфли пробуждают в Элизе чувства, которые, как она думала, выбило из нее детство в сиротском приюте. Что она может поехать куда-то, может стать хотя бы кем-то. Что все в пределах реальности является возможным.

Хамос отвечает на зов, автобус с шипением спускается с холма.

Водитель, как обычно, слишком стар, слишком устал и опустошен, чтобы вести аккуратно. Они резко сворачивают на Истерн, потом на Бродвей и несутся к северу мимо заключенного в кольцо из пожарных машин, истекающего огненной кровью здания шоколадной фабрики. Сверкают про-

блесковые маячки на кабинах, здесь правит бал прыгающее, лижущее уничтожение, извращенная форма жизни, и Элиза изгибается, чтобы посмотреть на пожар.

На миг ей кажется, что они не громяют по струпу города, а несутся через ядовитые, полные жизни джунгли.

Чувство это исчезает, когда в поле зрения появляется освещенная синим дорожка, ведущая к исследовательскому аэрокосмическому центру «Оккам». Элиза прижимает холодное лицо к еще более холодному стеклу и видит, что громадные часы на здании показывают 23:55.

Ее нога касается единственной ступеньки, когда она выпрыгивает из автобуса. Переход от полнокровной вечерней смены к куда менее людной кладбищенской смене всегда немного хаотичен, и это позволяет Элизе без проблем добраться до одного из боковых входов.

Под безжалостным светом мощных ламп – а весь свет в «Оккаме» безжалостен – туфли кажутся синими пятнами.

Спуск в лифте всего на один этаж, но некоторые лаборатории больше похожи на ангары, и путешествие занимает полминуты. Двери открываются, и Элиза видит вознесенный на десять футов над полом прозрачный куб офиса, где стоит Дэвид Флеминг.

Рожденный с планшетом в левой руке, он склоняется к нему, просматривая записи.

Именно Флеминг проводил с Элизой собеседование пятнадцать лет назад, когда она устраивалась на работу. И он все

еще здесь, его достойная гигиена и дотошность толкает хозяина по все сужающемуся горлышку служебной иерархии. Теперь он управляет зданием целиком, но почему-то по-прежнему возится с работниками низкого ранга.

За те же пятнадцать лет Элиза сделала такую же карьеру, как любой из уборщиков.

Никакую.

Элиза проклиная свои «Дейзи», да, они выглядят прекрасно, не вопрос, но идти быстро в них сложно. Ее сотрудники по кладбищенской смене уже здесь: Антонио, Дуэйн, Люсиль, Иоланда и Зельда, первые три уже далеко, в холле, в то время как Зельда ищет пропуск в сумке так неспешно, словно выбирает что-то в меню.

Карты вставляются в одни и те же гнезда каждый день, и Зельда стопорит процесс ради Элизы, поскольку Иоланда стоит позади Зельды, и если Иоланда попытается вылезти вперед, то дело затянется, и это даст Элизе дополнительную, такую нужную минуту.

Не надо было доводить до такой крайности.

Зельда черная и пухлая, Иоланда – некрасивая мексиканка, Антонио – косоглазый доминиканец, Дуэйн – продукт расового смешения, лишенный зубов, Люсиль – альбинос. Элиза – немая.

Для Флеминга все они – одно и то же: негодные для другой работы и поэтому безопасные с точки зрения секретов «Оккама».

То, что он может быть прав, унижает Элизу до последней степени.

Ей хочется, чтобы она имела возможность говорить, чтобы она могла встать на скамейку в раздевалке и воодушевить сотрудников речью о том, что они должны приглядывать друг за другом. Но не так устроен «Оккам», и, насколько она может видеть, не так устроена и вся Америка.

За исключением Зельды, которая всегда оказывала Элизе нечто вроде покровительства.

Зельда копается в сумочке, делая вид, что ищет очки, которые – все это знают – она не носит, и отмахивается от жалоб Иоланды по поводу того, что время идет. Элиза решает, что смелость Зельды вполне соответствует ее собственной, и устремляется вперед. Она вспоминает о Боджанглесе и изящно, словно танцуя мамбу, скользит между зевающими, застегивающими пуговицы работниками вечерней смены.

Флеминг заметит ее голубые туфли, ее быстрое движение, и ее поведение будет отмечено и вызовет вопросы – в «Оккаме» все, что находится за пределами усталого ползания, вызывает подозрение.

Но Элизе требуются секунды, чтобы добраться до Зельды, танец освобождает ее от всякого беспокойства. Она поднимается над полом и парит, словно никогда не выходила из своей теплой, уютной ванны.

Продукты заканчиваются, когда экспедиция находится к юго-западу от Сантарема.

Все голодны, ослаблены, мысли не держатся в голове, и та постоянно кружится. Счастливые, хохочущие обезьяны прыгают всюду, насмехаясь над глупыми, неуклюжими людьми.

Стрикланд начинает стрелять.

Обезьяны сыплются как спелые фрукты. Люди смотрят в ужасе.

Это раздражает Стрикланда, с поднятым мачете он шагает к раненной в живот обезьяне. Покрытое мягкой шерстью животное скручивается в сотрясаемый рыданиями шар, руки его прижаты к содрогающемуся лицу.

Она похожа на ребенка. Словно Тимми или Тэмми.

Это как убивать детей.

Стрикланд переносится обратно в Корею. Женщины, дети. Чем он стал?

Выжившие обезьяны издают печальные крики, и этот звук пронзает его череп. Стрикланд разворачивается и атакует дерево, рубит его мачете, пока не начинают лететь белые щепки.

Другие люди собирают тела и опускают их в кипящую воду.

Разве они не слышат, как кричат обезьяны?

Стрикланд набирает полные ладони мха, затыкает уши, только это не помогает. Крики, еще крики. Обед – похоже на грубую резину серые шары обезьяньих хрящей. Стрикланд не заслуживает еды, но он ест все равно.

Крики, еще крики.

Сырой сезон, как бы местные, мать их, его не называли, накрывает их.

Нависшие над джунглями облака брызжут горячим каплями, как взрезанное брюхо. Энрикес перестает вытирать влагу с очков и шагает как слепец. Он и есть слепец, – думает Стрикланд, – слепец, полагающий, что он может возглавить эту экспедицию, человек, никогда не бывший на войне, неспособный слышать обезьяньи крики.

Крики, понимает Стрикланд, в точности такие же, какие издавали селяне в Корее. И, сколь бы ужасными они ни были, эти крики говорят ему, что он должен сделать.

Нет смысла затевать переворот, естественный износ делает всю работу.

Шипастая рыба *candiru*²⁴, возбужденная лупящим по воде дождем, проникает в мочевой канал первого помощника, когда он мочится в реку. Три человека забирают его, чтобы отнести в ближайший городок, и исчезают навечно. На следующий день инженер из Перу просыпается весь покры-

²⁴ *Кандиру* (обычная ванделлия или усатая ванделлия) – пресноводная рыба, водится в бассейне Амазонки, из-за паразитического образа жизни получила прозвище «бразильский вампир».

тый фиолетовыми отметинами, следами вампирьих укусов. Он и его друг суеверны, и они уходят. Неделей позже из-за дыры в противомоскитной сетке один из *indios bravos* заеден до смерти, покрытый одеялом муравьев *trascua*. И в конце концов боцман-мексиканец, лучший приятель Энрикеса, укушен в горло ярко-зеленой гадюкой.

Несколько секунд – и кровь брызжет из пор. Для него нет шансов.

Генерал Хойт научил Стрикланда, куда нужно приставить ствол «Беретты», прямо к основанию черепа боцмана, так что смерть приходит быстро.

Их осталось пятеро; если взять проводников, то семеро.

Энрикес прячется на нижней палубе, заполняя журнал описаниями дневных кошмаров. Его соломенная шляпа, некогда такая щегольская, обвисает и смиряется с ролью ночного горшка.

Стрикланд наносит капитану визит и смеется над его лихорадочным бормотанием.

– Ты мотивирован? – спрашивает он. – Ты мотивирован?

Никто не спрашивает Ричарда Стрикланда по поводу его собственной мотивации. Откровенно говоря, он до сих пор не знает ответа. Ему всегда было насрать на *Deus Brânquia*, это точно, но теперь нет ничего в мире, что он хотел бы больше, *Deus Brânquia* что-то сделал с ним такое, изменил так, что возникают подозрения: обратного пути нет.

Стрикланд поймает эту тварь при помощи того, что оста-

лось от команды «Жозефины»... разве их теперь нельзя тоже назвать vestigios, остатки? Это их дом, и все. Единственное, что осталось у них, и не имеет значения, как оно выглядит и чего стоит.

Он мастурбирует под безумным ливнем, над гнездом, полным новорожденных змей, представляя тихий, опрятный секс с Лэйни. Два сухих тела движутся словно куски дерева на безграничной равнине туго натянутых белых простыней. Он это сделает. Немедленно, как только вернется. Как только исполнит то, что приказывают обезьяны.

Крики, еще крики.

10

Элиза обычно меняет свои роскошные туфли на обычные кроссовки в раздевалке, но всегда чувствует, словно отрубает часть себя, рука как топорик, обувь как плавники. Нельзя заниматься уборкой на каблуках – это, помимо прочего, заявил Флеминг в тот день, когда ее взяли на работу, – мы не можем допустить падений и поскальзываний. Никаких черных подошв тоже – поскольку в ряде лабораторий имеются «научные маркеры» прямо на полу, и непозволительно оставить на них какие-либо пометки.

Флеминг просто набит такими банальностями.

Но в последние дни его внимание обращено на какие-то другие дела, и Элиза рискует не менять обувь, оставить себе

маленький островок комфорта в море дискомфорта «Оккама», оставить себя живой и чувствующей.

Давно не работающий душ служит для уборщиков складом.

Зельда берет ту тележку, что обычно, Элиза тоже, и они наполняют их, берут с полок все, что им нужно. Затем их восьмиколесные тележки, плюс еще по восемь колес на каждое ведро со шваброй, громыхают по длинным белым коридорам «Оккама», словно медленный поезд в никуда.

Они должны быть профессионалами все время, ведь некоторое количество людей в белых халатах остается в лабораториях до двух или трех ночи.

Ученые «Оккама» – странный подвид мужчин, работа доводит их до полной отстраненности. Флеминг учит уборщиков немедленно покидать любую лабораторию, где находится один из белохалатников, и такое периодически случается.

Когда двое ученых в конечном итоге все же уходят, они недоверчиво косятся на собственные часы, хихикают по поводу того, какую головомойку устроит каждому из них жена, и вздыхают, что лучше бы и вправду отправились по теплым гнездышкам подружек, чем сидели здесь.

Они не замолкают, даже не понижают тона, проходя мимо Элизы и Зельды.

Точно так же как уборщики обучены видеть только грязь и мусор «Оккама», ничего более, ученые сосредоточены исключительно на проявлениях собственной гениальности.

Много лет назад Элиза развлекала себя мечтами об интрижке на рабочем месте, о встрече с мужчиной, танцующим во тьме ее мечтаний.

Это были мысли глупой молодой девчонки.

Еще кое-что об уборщиках, горничных, любом обслуживающем персонале: когда ты один из них, ты скользишь меж остальных незамеченным, словно рыба под водой.

11

Стервятник больше не кружит над ними.

Стрикланд принудил одного из двух оставшихся *indios bravos* поймать его. Непонятно как, но индеец это сделал.

Стрикланд привязывает птицу к железному штырю на корме и ест свой обед из сушеной пираньи прямо у нее на глазах. В пиранье очень много костей, и он выплевывает их, но так, чтобы стервятник не дотянулся. Голова крылатой твари фиолетовая, клюв – алый, шея напоминает музыкальный инструмент. Она раскрывает крылья, но ничего не может сделать, только бессильно шаркает по палубе.

– Посмотрю, как ты теперь сдохнешь от голода, – говорит Стрикланд птице. – Поглядим, как тебе это понравится.

Он отправляется в джунгли снова, оставив Энрикеса присматривать за кораблем. Теперь все на его условиях. Никаких подарков, зато много оружия.

Стрикланд преследует туземцев так, словно генерал Хойт

лично отдает приказы. Обучает своих людей знакам, которые используют военные, и они учатся очень быстро. Круг сжимается вокруг деревни с приятной синхронностью.

Стрикланд стреляет в первого же человека, которого он видит, *vestigios* падают в грязь, секреты прорываются через пузыри бормотания. Последнее место, где они видели *Deus Brânquia*, его обычные перемещения в этот сезон.

Переводчик говорит, туземцы верят, что Стрикланд – воплощение мифа *гринго, corta cabeza*²⁵, тот, кто отрезает головы.

И он думает, что это ему подходит – не какой-то иностранный мародер вроде Писарро или Сото, а некто рожденный в джунглях. Его шкура белая как у пирании. Волосы сальные будто у агути, зубы – клыки ямкоголовой гадюки, руки и ноги – анаконды.

Он такой же Джунглебог, как *Deus Brânquia* – Жабробог, и он даже не слышит приказы, когда отдает их, он не может слышать ничего, кроме пронзительных обезьяньих криков.

Но остальные слышат его хорошо. Они отрезают головы всем жителям деревни.

Он может чують запах *Deus Brânquia*, тот пахнет как белый ил с речного дна. Подобно маракуйе, корке из морской соли. Если бы только Стрикланду не нужно было спать.

Почему *índios bravos* никогда не устают?

Пользуясь тем, что светит луна, он выслеживает их и на-

²⁵ Головорез (*португ.*).

блюдает за неким ритуалом. Соскребы с коры превращаются в шарики бледной пасты на листке пальмы. Один из индейцев встает на колени, поднимает веко, другой скручивает лист и выдавливает из трубочки в каждый глаз единственную каплю.

Стоящий на коленях лупит кулаками по грязи.

Стрикланда притягивает его страдание, он выходит на открытое место, сам встает на колени, задирает собственные веки. Стоящий индеец колеблется, он называет пасту buchite²⁶, делает знаки предостережения.

Стрикланд не шевелится, и индеец подносит трубочку к его глазам, давит на нее. Шарик белого buchite заполняет весь мир. Боль неопишима, но он выдерживает. Садится. Жжение утихает, он утирает слезы и смотрит на безразличные лица проводников.

Теперь он видит их. Более того, он видит их насквозь.

Все, что творится в изогнутых каналах их морщин, в черных джунглях их волос. Солнце поднимается, и Стрикланд открывает Амазонку, полную глубины, света и цвета. Его тело содрогается и поет от напора жизни.

Его ноги – стволы пальмы, прошитые сухожилиями, толстыми, словно корни.

Стрикланд снимает одежду, она ему не нужна более,

²⁶ *Бухит* (в честь нем. геолога Л. фон Буха) – горная порода, образованная в результате пирометаморфизма (тип трансформации горной породы при сверхвысоких температурах и низком давлении воды). Как правило, представляет собой остекленевшую смесь гранита, песчаника и магмы.

дождь отскакивает от его обнаженной кожи как от камня. Жабробог знает, что он не в силах остановить Джунглебога, и не важно, что последние ружья, бывшие на борту «Жозефины», летят в воду, и осадка ее уменьшается.

Deus Brânquia отступает в заболоченную протоку.

Судно получает пробоину, трюмная помпа забита, капитанская кабина полна воды, но даже теперь Энрикес отказывается уходить. Боливиец забирает нужные инструменты. Бразилец тащит на себе гарпунное ружье, акваланг и сеть, эквадорец выкатывает бочку ротенона, пестицида, который используется, чтобы травить рыбу.

Эта дрянь способна выдавить Жабробога на поверхность.

– Отлично, – говорит Стрикланд.

Он встает на носу, голый, руки вытянуты, мокрый с головы до ног, и зовет. Невозможно сказать, как долго это продолжается. Может быть, дни, а может, месяцы.

Deus Brânquia наконец поднимается на мелководье, кровавое солнце освещает череду древних гор за его спиной, древний глаз затмения восходит над землей, океан снимает с себя скальп, чтобы показать новый мир, ненасытный ледник, блевотину из морской воды, укус бактерии, кипение одноклеточной жизни, разделение видов, реки как сосуды, ведущие к сердцу, эрекцию горных пиков, качающиеся бедра подсолнуха, серую шерсть омертвения, нагноение на розовой плоти, пуповину, тянущуюся от нас к истоку нашего рода.

Это все вместе и много более того.

Indios bravos падают на колени, моля о прощении, режут собственные глотки с помощью мачете. Стрикланд дрожит, он видит дикую, необузданную красоту этой твари. Он молится, кал стекает по его бедрам, рвота пятнает подбородок, библейские стихи, которые любил один из пасторов Лэйни, жужжат из забытого, пустого чистилища мозга.

То было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...²⁷

Это столетие – не более чем мановение ока.

Все мертвы. Только Жабробог стоит против Джунглебога.

Крушение Стрикланда состоялось в мгновение, и состоялось единственный раз. Стрикланд постарается забыть, что оно когда-либо имело место.

Когда он достигает городка Белем неделей позже, то «Жозефина» имеет крен в сорок градусов и наполовину затоплена, зато сам он одет в шмотки одного из проводников. Тот знал слишком много, и поэтому пришлось не просто убить его, а принести в жертву.

Энрикес более-менее пришел в себя и стоит на мостике, вглядываясь в весенний туман; горло его пульсирует, в голове бурлят фантазии, скормленные Стрикландом. Энрикес был отличным капитаном, Энрикес поймал таинственное существо, все прошло так, как они ожидали.

Энрикес ищет свой журнал, чтобы убедиться, что это правда, но не находит его.

Стрикланд скормил журнал стервятнику и проследил за тем, как тот начал задыхаться, забился в припадке и сдох.

Он подтверждает все, когда дозванивается до генерала Хойта.

²⁷ «Экклезиаст», синодальный перевод (*примеч. пер.*)

Стрикланд переживает этот разговор только благодаря зеленым леденцам. Незапоминающаяся обертка, химический вкус, но запах – болезненно концентрированный, почти электрический.

Он очистил все магазины в Белеме, купил почти сотню пакетов и лишь затем позвонил. Леденцы громко хрустят на зубах, но голос Хойта еще громче, несмотря на то что их отделяют сотни миль провода. Он звучит так, словно генерал всегда был рядом, наблюдая за Стрикландом из-за липких пальмовых листьев, из москитных облаков.

Стрикланд не может вспомнить, что тревожит его сильнее, чем ложь генералу Хойту. Но реальные подробности того, как был пойман Deus Brânquia, выглядят невразумительно, хотя он честно пытается извлечь их из памяти. Он верит, что ротенон был неким образом вылит в воду, вспоминает шипящую пену на поверхности, М63, настоящую глыбу льда, прижатую к раскаленному плечу.

Все остальное выглядит как сон.

То, как существо скользит в глубине, словно танцор, его скрытая на дне пещера, как оно ждет там Стрикланда, как оно не сражается за свою свободу, как обезьяньи крики разносятся под водой, и как еще до того, как Стрикланд нацеливает гарпун, существо тянется к нему...

Жабробог, Джунглебог. Они могут быть одним целым. Могут быть свободными.

Он сильно трет глаза, отсекая воспоминания.

Хойт либо проглатывает версию Стрикланда с оберткой, либо ему просто все равно. Надежда заставляет дрожать сжимающие трубку руки Стрикланда, и он молит: отправьте меня домой.

Не важно, что он больше не помнит, что такое дом.

Но генерал Хойт – вовсе не такой человек, который отвечает на чужие молитвы. Генерал требует, чтобы Стрикланд выполнил миссию до конца, отвез отловленный образец в аэрокосмический исследовательский центр «Оккам» и приглядывал за безопасностью, пока ученые будут заниматься своими делами.

Стрикланд проглатывает осколки леденца, чувствует вкус крови, слышит собственные жалобы. Всего один перелет. И все. Ему придется переехать в Балтимор. Может быть, это окажется не так уж плохо.

Взять с собой семью, занять место за опрятным столом в чистом, тихом офисе. Прекрасный шанс – Стрикланд это знает – начать все заново, если только он сумеет найти путь к той точке, откуда можно начать.

Женщина без образования

1

– Я собираюсь придушить его. На прошлой неделе он клялся, что починит сливной бачок, что тот перестанет булькать, и я смогу поспать днем спокойно, но когда я возвращаюсь домой, то эта проклятая штука все так же звенит у меня прямо над головой. Он говорит, что я уборщик... и почему бы мне этим не заняться? Но это вообще не вопрос. Думает, я хочу вернуться домой, едва волоча ноги, пальцы распухли как сосиски, и для удовольствия буду совать руки в ледяную воду в бачке? Лучше я суну туда его голову! – Зельда беспрерывно болтает по поводу Брюстера.

Брюстер – это ее муж, и он вовсе не хороший человек.

Элиза помнит что-то о тех странных местах, где он пытался работать, о множестве колоритных способов, которыми его увольняли, глубоких погружениях в мягкое кресло с откидной спинкой, где он порой проводил целые недели. Детали не имеют значения. Элиза благодарна за любые рассказы, она слушает, следит за дорогой и показывает, где им сворачивать.

Зельда начала учить язык знаков в тот день, когда Элиза

только появилась, и Элиза не верит, что когда-либо сможет за это отплатить.

– И как я тебе сказала, раковина на кухне тоже течет. Брюстер говорит, что это соединительная гайка. Да что угодно, Альберт Эйнштейн. Если ты закончил со своей теорией относительности, как насчет того, чтобы сходить в хозяйственный магазин? Знаешь, что он говорит? Он говорит, что я должна просто украсть такую гайку с работы. Знает ли он, где я работаю? Все эти камеры повсюду! Я собираюсь быть честна с тобой, дорогая, насчет моих планов на будущее. Я собираюсь придушить этого мужика, порубить на мелкие кусочки и смыть их в унитаз, чтобы, когда капанье не даст мне спать, я бы могла думать обо всех тех кусочках Брюстера, что ползут по грязным трубам где-то внизу!

Элиза улыбается сквозь зевок и показывает, что это один из лучших замыслов Зельды по поводу убийства.

– Так что сегодня я встала и отправилась на работу, потому что кто-то в этой семье должен позволить себе роскошные штуковины вроде соединительной гайки и кухни в Чезапик-бей. Я отправилась прямиком в спальню, и, поскольку я еще не купила веревку для удушения, я разбудила Брюстера и сказала, что у нас тут ситуация, как на Ноевом ковчеге. И он сказал, что да, неплохо, что дождя в Балтиморе не было прорву времени. Этот мужик думает, что я говорю о дожде, ха!

Элиза изучает свою копию Листа проверки качества.

Флеминг не предупреждает их, когда в нем что-то меняется, именно так он держит подчиненных на чеку. Три листа копировальной бумаги, и на них – пронумерованные лаборатории, лобби, вестибюли, туалеты, коридоры и лестничные клетки, назначенные каждому из уборщиков, и к каждой локации привязан список соответствующих задач. Арматура, плинтусы, фонтанчики – Элиза зевает, – перегородки, перила, площадки.

Глаза ее продолжают скользить по списку.

– Так что я притащила его в кухню, где все его носки промокли, и знаешь, что он сказал? Он начал молоть что-то по поводу Австралии, как он слышал в новостях, что та движется на два дюйма в год, и, может быть, по этой причине трубы все время расходятся. Все континенты, заявил он, когда-то были соединены вместе, и что целый мир плывет таким вот образом, и что вообще все трубы взорвутся в один день, и что нет смысла о них беспокоиться!

Элиза слышит колебание в голосе Зельды и понимает, к чему та ведет.

– Теперь смотри, дорогая. Я могла взять голову этого мужика, сунуть в воду на пару дюймов и успеть сюда до полуночи. Но ты когда-нибудь слышала о человеке, только что разбуженном от глубокого сна и способном разговаривать таким образом? Этот гад запутывает меня ужасно! Несколько недель нам не было что положить на стол, а теперь этот хозяин моего сердца говорит «Австралия», и я вся разом на-

чинаю мечтать! Брюстер Фуллер рано или поздно умрет от моей руки, но я говорю тебе, он сумасшедший! А когда он болтает, я тоже начинаю бредить! Вижу всякое за пределами «Оккама», старого Балтимора, своей кухни...

Из лаборатории по левую сторону доносится шум.

Они останавливают тележки, ершики для унитазов покачиваются на крючках. Целые недели они слышали грохот ремонта за этой дверью, но это не повод для исключений.

Если комнаты нет в твоём списке, то ты игнорируешь ее.

Но сегодня дверь, ранее не имевшая обозначений, обозначалась табличкой с надписью Ф-1.

Элиза и Зельда никогда не сталкивались с обозначением, имеющим букву «Ф».

Они всегда работают вместе первую часть ночи, и сейчас они одновременно смотрят на свои пока совпадающие ЛПК. И вот она, Ф-1, тикает в списке, словно бомба.

Женщины склоняются к двери: голоса, шаги, скрип.

Зельда смотрит на Элизу обеспокоенно, и Элизе больно видеть, как быстро ее подруга теряет болтливость. И она говорит себе: для нее настало время быть храброй. Изобразив уверенную улыбку, она делает знак «двигаемся вперед».

Зельда вздыхает, берет свой пропуск и сует в замок, тот срабатывает, и дверь открывается, выпуская порыв холодного воздуха. Элизу в этот момент посещает мысль, что она совершила катастрофическую ошибку, но мысль эта быстро исчезает.

Лэйни Стрикланд улыбается, глядя на новенький утюг от «Вестингауз электрик». «Вестингауз электрик» создали атомный двигатель, благодаря которому движется первая подводная лодка «Поларис», и это кое-что да значит.

Не просто товар, заметьте, а компания!

Она тогда сидела у Фредди, ее высокая прическа втиснута в розовый колпак сушильного устройства, когда прямо посреди интересной и, как она думала, важной статьи о месте, именуемом Дельта Меконга, где группа людей, именуемая Вьетконг, сбила пять американских вертолетов и убила тридцать военных, точно таких же военных, как ее Ричард, обнаружилась яркая иллюстрация на целый разворот. Ей продемонстрировали подводную лодку, разрывающую плоть океана перед тем, как погрузиться.

Все эти мальчишки внутри. Прирожденная боязнь воды.

Их жизни теперь зависят от «Вестингауз».

Образ оказался достаточно мощным, чтобы она рискнула спросить у Ричарда, к какой марке принадлежит «Поларис». Он в армии с девятнадцати лет и реагирует на любые вопросы о работе, сжимаясь, точно моллюск, так что она выждала момента, когда он будет хорошо накормлен и умиротворен хрустом попкорна под сериал «Стрелок».

Не отрывая взгляда от экрана, где Чак Коннорс²⁸ палил с двух рук, он пожал плечами и сказал: «Поларис» – вовсе не марка, это не то, что пишут на упаковках хлопьев».

Слово «хлопья» пробудило Тимми от обычного телевизионного ступора. Послышался электрический треск, когда он, облаченный в вельветовые брюки, повернулся на ворсистом ковре и возобновил разговор, вроде бы законченный два дня назад: «Мам, можно взять немного «Шугар попс?»

«И «Фрут лупс!» – добавляет Тэмми. – О, мамочка, пожалуйста!»

Ричард всегда был грубоват, уж таков он.

Но до поездки на Амазонку он все же не позволял ей так вот падать с утеса своего невежества, наблюдая, как она цепляется за воздух, и даже не пытаясь подать руку помощи.

Лэйни пока еще не определилась, как правильно реагировать, и решила просто посмеяться над собой.

Затем Чак Коннорс исчез, и его место заняла реклама нового пылесоса от «Хувер диаматикс» с регулируемой мощностью всасывания, и на экране с ним управлялась актриса, немного похожая на Лэйни. Ричард пожевал губу и глянул на свои колени с выражением, которое могло сойти за угрызения совести.

««Поларис» – это ракета, – сказал он. – Ядерная баллисти-

²⁸ Кевин Джозеф Алоизиус «Чак» Коннорс (1921–1992) – американский актер, а также профессиональный игрок в бейсбол и баскетбол. Самая яркая роль за 40-летнюю актерскую карьеру – Лукас Маккейн в сериале «Стрелок» (1958–1963).

ческая ракета».

«Ооо! – она так хотела успокоить его. – Звучит опасно!»

«Лучшая, я полагаю. Более точная, чем предыдущие, так говорят».

«Я видела ее в журнале, и я подумала: готова спорить, Ричард все о ней знает. Ничуть не ошиблась».

«Не совсем так. Это флотское дерьмо. Я стараюсь держаться от них подальше».

«Это правда. Ты много раз мне говорил».

«Подводные лодки. Меня ничем не заманишь в одну из этих здоровых хреновин. Железные ловушки, вот что я скажу», – он посмотрел на нее и улыбнулся, и Ричард, этот бедный, простой человек, не имел ни малейшего представления, какую боль причинила эта улыбка.

Лэйни чувствует, он видел слишком много и в Корее, и в Амазонии, что есть вещи, которыми он никогда не сможет поделиться. Это нечто вроде милосердия к ней самой, говорит она себе, и пусть даже это заставляет ее чувствовать себя так, словно она одна и улетает прочь, как воздушный шар, наполненный гелием.

Никто, прошедший семнадцать месяцев в джунглях Южной Америки, не сможет вернуться к обычной жизни просто так – Лэйни это знает и старается быть терпеливой. Только все не так просто. Эти семнадцать месяцев изменили ее тоже.

Призрачный генерал Хойт похитил Ричарда под мраком

ночи, а затем швырнул в мир, где нет телефонов и почтовых ящиков. Она осталась одна с теми решениями, которые надо принимать каждый день, с домом, которым надо заниматься, и для нее это оказалось словно опрокинутое на голову ведро воды.

Куда обратиться, если сломана машина.

Что делать, обнаружив труп скунса на заднем дворе.

Как вести дела с сантехниками, банкирами, другими мужчинами, полагающими, что одинокую женщину легко обмануть. И все это – управляя двумя детьми, сердитыми и раздраженными по поводу того, что их отец внезапно исчез.

И Лэйни справилась.

Да, большую часть первых двух месяцев она провела, глядя на новую жизнь сквозь завесу слез: овдовевшая мать двух растущих чудовищ, обрывающих занавески и изрисовывая мелком стены, в то время как она пыталась готовить, подбадривая себя глотками шерри. Вскоре, к ее удивлению, вечерний коллапс стал выглядеть более похожим на удовлетворенное утомление.

Постепенно, осторожно, в глубоко спрятанных уголках разума она начала создавать план действий на тот случай, если ее известят, что Ричард пропал во время операции, и армия перестанет присылать ей чеки.

Она рисовала цифры на спичечных коробках, на школьных табелях Тимми, на собственной руке, оценивая возможную зарплату и сравнивая ее с текущими расходами. Лэйни

знала, что может устроиться на работу, и это даже звучало вдохновляюще, но в то же время заставляло ее ощущать себя худшей женой в мире, пытающейся найти искру вдохновения в потенциальном исчезновении мужа.

Но разве не будет в ее жизни немного больше мира без Ричарда?

Разве он не был всегда немного жестким? Немного холодным?

Но теперь бесполезно об этом вспоминать, поскольку Ричард в конце концов вернулся, разве не так? Они провели вместе целую неделю, и разве он не заслуживает встретить ту жену, которую оставил?

Думая об этом, Лэйни постепенно начинает улыбаться.

Если эти подводники доверяют созданной «Вестингауз» ядерной штурмовине, то и она должна быть гордой, стоя тут, в гостиной, и используя этот уют, первый предмет, купленный в Балтиморе. Ричард должен выглядеть прекрасно на своей новой работе, в месте, именуемом «Оккам», и поэтому манипуляции с уютом получают высокий приоритет.

Почти вся одежда до сих пор не распакована, и поэтому детские вещи тоже нуждаются в глажке. Тимми кажется дикарем в своей рваной майке, а любимый свитер Тэмми выглядит тонким как тряпка.

У домохозяйки, говорит она сама себе, большое количество интересной и важной работы, которую нужно сделать.

Парики делают из человеческих волос.

И то, что парик Джайлса Гандерсона по цвету не совсем подходит к тем пучкам, что растут у него над ушами, раздражает его. Его собственные волосы – каштановые, но если подойти ближе, то можно разглядеть пряди белого и рыжего, и не важно, что никто не подходил к нему вплотную много лет.

Если бы он знал, что облысеет к тридцати, то начал бы собирать волосы с расчески десятилетия назад. Каждый молодой человек должен это делать, подобному необходимо учить на уроках здоровья.

Он воображает мешок для мусора, плотно набитый волосами, найденными на полу в доме родителей.

Он смеется. Нет, сэр, ничего странного, сэр, так и надо.

Джайлс сует одну пару очков в карман, убирает вторую со лба, запахивает поплотнее плащ из замши и выходит из сливочного минивэна «Бедфорд», который мистер Арзаян, хозяин «Аркейд синема», позволяет парковать сбоку от кинотеатра. Скользящая дверь слегка заржавела, а оббивка сидений – в пятнах, зато Элиза называет машину «мопсом» за плоскую «мордочку» и выпирающие передние фары.

Дождя в Балтиморе не было много месяцев, но ветер что надо, и Джайлс ощущает, как парик приподнимается над макушкой. Он прижимает пальцы к черепу, чтобы удержать

проклятую штуковину на месте, и огибает «мопса», опустив голову навстречу порывам.

Выглядит со стороны точно прущий напролом боксер, но он ощущает себя совсем иначе, слабым и самонадеянным. Он сражается с проржавевшей дверью и вытаскивает портфель для набросков, обитый красной кожей, с застежками из блестящей латуни.

Держа его в руках, Джайлс ощущает себя важным человеком.

Он сэкономил почти целый год, чтобы купить портфель, когда ему не было и сорока, и эта штука – из тех, которыми пользуются профессионалы, манхэттенские позеры.

Джайлс шагает по тротуару, порыв ветра легонько подталкивает его в спину. Справиться с дверью, когда в руках у тебя портфель, не так легко, и к тому времени, когда он все же оказывается внутри, все наверняка шепчутся по поводу старомодного типа с огромным кожаным дипломатом.

Джайлс ощущает знакомый укол сомнения.

Его потребность в самоутешении выглядит смехотворно, особенно в месте, подобном этому.

Никто не заметил его прибытия.

Джайлс вызывающе расправляет плечи, думает, что все эти забегаловки можно винить, что они поглощают все внимание тех, кто внутри. «Дикси Дау пайз» – залитое ярким сиянием царство зеркальных поверхностей, от колонн под потолок, где вращаются пластиковые пирожные, до витрин-ре-

фрижераторов, пронизанных трубами из хрома и подсвеченных, как музыкальные автоматы.

Джайлс шаркает туда, где заканчивается очередь.

Середина рабочего дня, отличное время, чтобы съесть что-нибудь сладкое, и он всего второй. Ему нравится ходить сюда, говорит он себе, тут уютно и тепло, пахнет корицей и сахаром. Он не смотрит на кассира, пока нет, он слишком стар для подобного.

Вместо этого он изучает колонну в пять футов высотой, где на каждом уровне находится особый десерт. Двухслойные торты напоминают коробки из-под шляп. Причудливо оформленные пирожные походят на виолончели; те, что с кремом, можно принять за женские груди.

Тут есть место для всего.

4

Помещение Ф-1 в шесть раз больше, чем квартира Элизы; скромно по меркам «Оккама». Стены белые, и на фоне пола из голого бетона кажется, что они слегка светятся. Выстроившиеся в ряд серебряные столы блестят как на параде, в то время как пластиковые стулья собрались в кучку, словно бездомные вокруг огня, разведенного в баке для мусора. Заплетенные в косы кабеля свисают с потолка, а мощные лампы на суставчатых ногах влюбленно таращатся в никуда.

Вдоль восточной стены выстроились приборы бежевого

цвета, Элиза слышала, что их называют «компьютерами». Уборщикам запрещается касаться этих колоссальных агрегатов переключателей и циферблатов, хотя им предписано в каждую последнюю пятницу месяца сдувать с них пыль с помощью баллончиков со сжатым воздухом.

Но что уникально в Ф-1 и что тащит Элизу вперед мимо замершей на месте Зельды – бассейн.

Похрустывание, которое они слышали, было шумом воды, наливаемой из трубы в нечто, напоминающее колоссальную раковину из нержавеющей стали, вставленную в пол и окруженную уступом высотой по колено.

Именно на этот бортик опираются – каждый одной ногой – трое обычных балтиморских работяг, которые чувствуют себя откровенно неловко в такой обстановке. Они смотрят, как бригадир протягивает планшет и ручку мужчине с редкими каштановыми волосами и очками – типичный ученый «Оккама», но именно этого она никогда не видела.

Ему далеко за сорок, но он сидит на уступе словно шаловливый ребенок, игнорируя бригадира и сравнивая собственные записи с показателями на трех измерительных приборах, выступающих из бассейна.

– Слишком горячо! – восклицает он. – Куда как горячо! Вы что, хотите его сварить?

В голосе ученого различим акцент, Элиза никогда не слышала подобного, и осознание этого факта встряхивает ее: она не знает никого из этих людей, шесть рабочих, пять ученых,

она никогда не видела столько людей вместе в «Оккаме» так поздно ночью. Зельда тянет подругу за локоть, и они понемногу пятятся к двери, но тут раздается голос, знакомый им до мозга костей.

– Всем внимание, пожалуйста! Образец готов для выгрузки! Повторяю! Всем! Образец готов для выгрузки! Со всем уважением, но конструкционной бригаде необходимо закончить работу и покинуть лабораторию через правую дверь... – белая рубашка и бесцветные брюки делают так, что Дэвид Флеминг сливается с одним из компьютеров.

Элиза видит его теперь, рука вытянута в сторону той двери, перед которой они с Зельдой стоят, как нашкодившие и пойманные дети. Все в комнате поворачивают головы. Все мужчины смотрят на них, на женщин-нарушительниц, и щеки Элизы горят, она чувствует каждый уродливый дюйм ее заляпанной грязью форменной одежды.

– Прошу прощения у всех, но дамам не положено тут быть, – Флеминг понижает голос, словно муж, распекающий жену на людях. – Зельда. Элиза. Сколько вам говорить? Когда люди работают внутри...

Зельда сжимается подобно человеку, привыкшему получать удары, и Элиза делает шаг в сторону, инстинктивно закрывая подругу собой. И это движение, к ее ужасу, приводит к тому, что она оказывается точнехонько на пути у торопящихся мужчин.

Элиза задерживает дыхание, расправляет плечи.

В молодости ее не раз подвергали телесным наказаниям, и даже в «Оккаме», хотя это и произошло больше десяти лет назад, на нее поднимали руку – Флеминг вытащил ее за руку из шаткого офисного кресла, на которое она забралась, чтобы собрать паутину в углах; биолог хлопнул ее по предплечью, когда она потянулась за картонным стаканчиком, где находился вовсе не кофе, а некий образец; охранник сильно шлепнул ее по спине на пути к лифту.

– Не уходите, – произнес мужчина с акцентом.

Кайма его белого халата намокла, угодив в бассейн, и летние туфли с дырочками хлюпают по полу, точно собачий язык. Он поворачивается к Флемингу, скидывая руку.

– Эти девушки имеют допуск?

– Они уборщицы. Само собой, что они имеют допуск – чтобы убирать грязь.

– Если они имеют допуск, не должны ли они остаться?

– Со всем уважением, доктор, но вы новичок. Внутри «Оккама» свои правила.

– Но разве они не будут чистить эту лабораторию время от времени?

– Будут, но только по моему непосредственному запросу.

Взгляд Флеминга перескакивает с ученого на Элизу, и в нем она читает признание, что Ф-1 оказалась преждевременно занесена в ЛПК. Она резко опускает голову, смотрит на безопасные бутылочки и баночки, но слишком поздно: жало уже вонзилось, гордость Флеминга уязвлена, и наказанием

для них с Зельдой станет дополнительная работа.

Ученый с акцентом ничего этого не видит, он все еще улыбается, убежденный в своей доброте. Подобно большинству привилегированных мужчин с хорошими намерениями, он не имеет представления о приоритетах тех, кто вынужден работать обслугой, о том, что больше всего на свете они хотят провести свою смену, не привлекая внимания.

– Очень хорошо, – говорит ученый. – Каждый должен понимать важность образца. Поэтому ошибки невозможны.

Флеминг поджимает губы и ждет, когда конструкционная бригада покинет комнату. Элиза и Зельда сжимаются под нахальными оценивающими взглядами мужчин. Ученый, не замечая дискомфорта Элизы, выставляет руку для пожатия.

Элиза задыхается от ужаса, глядя на его аккуратно подстриженные ногти, чистую ладонь и накрахмаленную манжету. Какое наказание придумает Флеминг за подобное? Нарушение этикета «Оккама»... но куда хуже, чем взять эту руку, будет ее проигнорировать, так что она протягивает свою так апатично, как только можно.

Ладонь ученого влажная, но пожатие кажется искренним.

– Доктор Боб Хоффстетлер, – он улыбается. – Как вы работаете в такой обуви?

Элиза шаркает несколько дюймов назад, чтобы тележка скрыла ее туфли от взгляда Флеминга. Непозволительно, если он заметит голубые «Дейзи» второй раз за смену. Невоз-

можно пережить, если он оштрафует ее за подобный мятеж.

Теперь Хоффстетлер не упускает ничего, он видит ее маленькое бегство и вытягивает шею. Выглядит так, что он ждет ответа, и Элиза умудряется изобразить улыбку на полыхающем лице и стучит пальцем по бейджу с именем.

Брови ученого изображают полное симпатии понимание.
– Самые умные из живых существ, – говорит он мягко, – часто производят меньше всего звука.

Хоффстетлер улыбается снова и обходит Элизу, чтобы поприветствовать схожим образом Зельду. И хотя Элиза напугана до ужаса и горбится, чтобы сделать себя как можно меньше, она не может не признать, что улыбка, которую она только что получила, – самая теплая за все ее годы в «Оккаме».

5

Это отличный уют, нет сомнений.

Можно забыть о фильтре, продукция «Вестингауз» глотает воду прямо из крана, а еще она настолько дружелюбна, что все настройки расположены на единственной круглой рукоятке. И в комплекте идет специальное крепление, чтобы размещать устройство на стене; это будет особенно удобно тогда, когда у гладильной доски появится постоянное место.

Сейчас она разложена в гостиной перед ТВ.

Именно так ее подруги в Орландо, сплошь жены военных,

занимались своими домашними делами. Лэйни всегда сопротивлялась, но затем однажды, когда Ричард был на Амазонке, она попыталась слушать «Молодой доктор Мелоун» и «Перри Мейсон» по радио во время глажки и увлеклась слишком сильно, одолела целую корзину белья из прачечной, даже не заметив этого, и это обеспокоило ее.

То, как легко она справилась с этой задачей, как уныло.

Но прошлой ночью в кровати бессонница открыла путь для очевидной, но бодрящей мысли: она может сменить канал, ей не обязательно смотреть «Я люблю Люси», «Направляющий свет» и «Пароль», как другие жены, она может включить «Тудэй», «НБС Ньюс» или «АБС Рипорт».

Это свежая идея, и она вызывает прилив вдохновения.

Хотя до сих пор все, связанное с Балтимором, вызывает у нее вдохновение.

Одеваясь сегодня утром, она почувствовала себя так, будто готовится к вечеринке среди интеллектуалов. Она уложила волосы перед тем, как взяться за гладильную доску, и по легкому натяжению на висках понимает, что высокий пучок все еще держится.

Слегка распустилось ее внимание, десять минут потрачены на последние новости.

Khrushchev посетил Берлинскую стену.

Само слово «Khrushchev» заставляет ее вспыхивать от стыда; она произнесла его неправильно три года назад в тот момент, когда они общались с большими шишками из Ва-

шингтона, и челюсть Ричарда задрожала от негодования.

И Берлинская стена, да.

Почему она помнит всех персонажей «Капитана Кенгуру», но не помнит ничего о Берлинской стене?

Лэйни вращает колесико настройки на утюге, будучи не в силах решить, какой режим лучше подойдет для борьбы с морщинками. Возможно ли, что «Вестингауз электрик» дал ей и вообще всем женщинам в Америке слишком много вариантов? Рассматривая переднюю часть устройства, она обнаруживает семнадцать клапанов – по одному на каждый месяц, проведенный Ричардом в джунглях.

Она выпускает пар и, когда он окутывает ее лицо, воображает, что это амазонская жара.

Должно быть, именно так Ричард ощущал мир, когда он звонил ей из Бразилии. Для нее все выглядело так, словно она разговаривала с призраком: в один момент она отрезала корочки, чтобы приготовить сэндвичи с ореховым маслом, и тянулась за телефоном, в следующий она выронила нож и закричала.

Она плакала и говорила ему, что это чудо.

Да, ей пришлось тогда выдавить из себя слезы, но кто может ее за это осудить? Лэйни находилась в шоке.

Ричард ответил, что скучает по ней тоже, но голос его остался столь же мертвенным: он говорил замедленно и неискренне, так, словно забыл родной английский. Разговору мешал хрустящий звук, словно он что-то жевал.

Почему Ричард должен есть, разговаривая с женой первый раз за семнадцать месяцев? Нетрудно объяснить. Может быть, он голодал там, в джунглях, долгое время.

Он сказал ей, что они должны переехать в Балтимор, и, не успевшая задать вопрос, назвал ей рейс, на котором он прилетит в Орландо, после чего положил трубку, не переставая хрустеть чем-то. Лэйни опустилась обратно в кресло, глядя на дом, который более чем полтора года выглядел таким комфортным и функциональным.

В тот момент он показался ей берлогой холостяка: всюду грязь, она даже не потрудилась заменить утюг, сломавшийся восемь месяцев назад.

О, как она работала два следующих дня, отмывая и полируя, ее распухшие кулаки бугрились под перчатками для мытья посуды, пальцы, которыми она держала швабру, покрылись волдырями, по ноющим суставам струилась кровь.

Звонок из Вашингтона спас если не ее брак, то ее саму: Ричарда перенаправили морем прямо в Балтимор, и ей предстоит встретиться с ним там через две недели в доме, который подберет для них правительство.

Лэйни вспоминает почти каждый час то, как Ричард вошел в двери их нового дома. Белая, застегнутая наглухо рубашка висела на нем как плащ друида, он потерял в весе так, что остались только узловатые мускулы, походка его стала осторожной, лисьей. Он был выбрит до резинового блеска, щеки казались молочно-белыми, поскольку густая боро-

да спасала их от южного солнца все то время, когда остальная часть лица приобретала цвет бронзы.

Долгий момент они смотрели друг на друга, он прищурился, словно не узнавая. Лэйни невольно вскинула руку, поправляя прическу, она испугалась, не слишком ли яркую помаду она выбрала, не слишком ли кричащий лак для ногтей.

Не слишком ли много это все после того, как он такое долгое время видел только грубых и грязных мужчин?

Затем Ричард неторопливо опустил сумку на пол, и дрожь прошла по его плечам. Две маленькие слезы, одна из каждого глаза, скатились по его гладким щекам.

Лэйни до того момента никогда не видела, чтобы ее муж плакал и она подозревала даже, что он не способен на такое, и к ее удивлению, слезы Ричарда испугали ее. Несмотря на страх, она поняла, что значит для него что-то, что они знают что-то друг для друга, и бросилась к нему, обняла, прижалась собственными мокрыми глазами к жесткой белой рубашке.

Несколькими секундами позже она почувствовала его руки на своей спине, но прикосновение это оказалось осторожным, словно за эти месяцы он обзавелся инстинктом отбрасывать все, осмелившееся приблизиться.

«Мне... мне жаль», – сказал он.

Лэйни до сих пор размышляет над этой фразой: жаль, что его так долго не было, или что он заплакал, или что он неспособен обнять жену как нормальный мужчина?

«Не извиняйся, — ответила она. — Ты здесь. Ты здесь. Все будет в порядке».

«Ты выглядишь... я чувствую...»

По этому поводу она тоже гадает: показалась ли она ему такой же странной, как фауна Южной Америки семнадцать месяцев назад, готов ли был он сравнить ее с мягкостью засасывающей грязи, кабаньего трупа или другой гнили из джунглей, которую она не в силах вообразить?

Так что она приставила к его губам указательный палец и велела ему ничего не говорить, только обнять ее покрепче.

Теперь она об этом жалеет.

Но какие бы эмоции Ричард ни показал теми двумя слезами, он спрятал их намертво уже на следующий день, он стал непроницаемым, закрылся наглухо, словно вырастил на себе корку. Возможно, таким образом он попытался защититься от дезориентирующей новизны Балтимора.

Только когда Тимми и Тэмми слетели по лестнице, чтобы встретить отца, Лэйни оторвалась от Ричарда, развернулась и принялась разглядывать необставленный дом. Колени ее задрожали от ужасного предчувствия: что если вовсе не она стала причиной тех слез, что, если вид пустых, идеально чистых, тихих комнат позади нее так тронул его?

Она ожесточенно водит утюгом по той сорочке, в которой Ричард явился домой. Лучше не думать о таких вещах, лучше сконцентрироваться на том, что она в силах сделать, чтобы стать лучшей женой.

Пусть работа Ричарда в «Оккаме» не достойна «Тудэй», но она очень важна. Страшно представить, что будет, если раскаленный металл оставит отметку на ткани. Подобное отодвигает на задний план все домашние проблемы, которых и нет, честно говоря.

Ее работа – помогать Ричарду делать его военную работу, куда бы она его ни заносила, отскребывать грязь, жир, масло, порох, пот и даже губную помаду, если до этого дойдет, и гладить снова и снова, для мужа и для семьи, само собой, но также для ее страны.

6

На бейдже молодого человека красуется имя «Бред», но Джайлс как-то видел на этом месте «Джон» несколько раз, а однажды даже «Лоретта». Джайлс предполагает, что первое случилось по ошибке, а второе было шуткой, но все равно имеет место путаница, и он не решается пользоваться именами.

Выглядит молодой человек определенно как Бред: шесть футов один дюйм, шесть футов два дюйма, если он перестанет сутулиться, лицо удивительной симметричности, крупные зубы наводят на мысль о лошади, и грива волос, напоминающая взбитые сливки. Теплые карие глаза, похожие на шоколад со сгоревшей ночью фабрики, вспыхивают при виде Джайлса.

По крайней мере, он сам готов в это поверить.

– Эй, привет, партнер! Где ты был? – в голосе Бреда слышится откровенный южный акцент, и Джайлс позволяет себе завязнуть в его сладости.

Вспоминает о проблемах с волосами: как сидит на макушке парик, насколько тщательно подстрижены усики, не торчит ли случайный «стебель» из уха или брови. Джайлс раздувает грудь и изображает кивок.

– Ну, доброго вам дня, – это звучит слишком по-интеллигентски, и он меняет тон. – Привет и тебе, партнер, – кем Бред считает его, школьником? – Тоже рад видеть тебя.

Три изобильных приветствия. Просто отлично.

Бред скользит рукой по прилавку и опирается на него:

– И что бы могло тебя порадовать?

– Трудно сказать, – выдыхает Джайлс. – Каковы, если я осмелюсь спросить, могут быть ваши персональные рекомендации?

Бред барабанит пальцами, его костяшки поцарапаны.

Джайлс представляет его колющим дрова в заросшем лесом заднем дворе, щепки блестят от сырости, маленькие потертости на сколах напоминают золотых бабочек.

– Как насчет лайма? У нас отличное лаймовое пирожное, что сшибет тебя с ног. Вон там, верхний уровень башенки.

– Это вот ярко-зеленое?

– Ну да, а что? Я обеспечу тебя отличным мощным куском, что скажешь на это?

– Как я смогу отвергнуть столь манящий оттенок, достойный плодов Тантала?

Бред записывает заказ и хихикает:

– Ты всегда выбираешь самые хитрые слова.

Джайлс ощущает, как вспыхивают его щеки и шея, и он сражается со стыдом, используя те же «хитрые» слова:

– Тантал пришел к нам из греческих мифов, он был одним из сыновей Зевса. Трудный ребенок, иначе не скажешь. Прославился тем, что убил сына и попытался накормить его мясом богов. Да уж, это вам не пирожки и не пирожные из печи вынимать. Но сегодня я позволил себе упомянуть его наказание. Тантал обречен стоять в пруду, и над головой его свисают фрукты, но они удаляются от него, едва он протягивает руку, и вода всякий раз убегает, едва он опускается на колени, чтобы утолить жажду.

– Разрубил своего пацана на части, ты говоришь?

– Да, хотя смысл в том, что Танталу не позволено избежать неизбежной смерти. Судьба его – страдать, зная, что все, чего он хочет, прямо перед ним, но он не в силах ответить что-либо.

Бред обдумывает это, и Джайлс ощущает, как его румянец превращается в мурашки. Он частенько удивляется, как один-единственный рисунок может сказать так много такому количеству людей, и при этом чем больше слов ты используешь, тем более вероятно, что эти слова станут твоим обвинением и выставят тебя беззащитным.

Бред решает не углубляться в дебри анализа, и Джайлс испытывает облегчение.

– Я вижу, ты притащил свой чемодан для рисунков, – говорит Бред, наколов листок заказа на иглу. – Работаешь над чем-то особенным?

Джайлс знает, что наивно со стороны старого человека выдумывать, что тот или другой личный вопрос пульсируют изнутри тайным значением, тем, которого он так ждет. Ему шестьдесят четыре, Бреду не может быть больше тридцати пяти.

Ну и что из этого?

Разве это значит, что Джайлс не может получить удовольствие от хорошей беседы? Что он не может почувствовать себя хорошо, так, как редко чувствовал себя в этой жизни? Он поднимает портфель, как будто только что заметил его наличие в собственной руке.

– О, это? Ничего такого. Наброски к рекламе нового продовольственного товара. Все выглядит так, что мне доверят вести кампанию целиком, я как раз отправляюсь на встречу в агентство, где все и решится.

– Ничего себе! А что за товар?

Джайлс открывает рот, но понимает, что «пищевой желатин» прозвучит скучно.

– Вероятно, я не должен говорить. Конфиденциальная информация, понимаете.

– Это правда? Господи, это звучит воодушевляюще. Ри-

сунки всякие, наброски. Секретные проекты. Куда интереснее, чем возиться с пирожными, скажу я тебе.

– Но продукты питания – это древнее, важное искусство. Всегда хотел спросить... Вы и есть оригинальная «Дикси Дау»?

От гогота Бреда шевелятся пряди парика на голове Джайлса.

– Я бы этого хотел. Тогда бы я сидел на настоящей горе денег. Позволь рассказать. Это вовсе не единственная «Дикси Дау», их двенадцать. Это называется «франчайзинг». Они присылают тебе такую брошюру, где прописано, как обустроить такую «хижину». Цвет стен, декорации, Дикси Дог, наш талисман, меню целиком тоже вот здесь, гляди... Проводят исследования, выясняют, чего хотят люди, научно так, а потом определяют, что мы должны подавать.

– Интригующе, – бормочет Джайлс.

Бред оглядывается, затем склоняется ближе:

– Хочешь узнать один секрет?

Именно этого Джайлс желает больше всего на свете, он загружен тайнами и знает, что если кто-то посвящает тебя в свою, то это магическим образом облегчает ношу для обеих сторон.

– Этот акцент? Он даже не настоящий. Я из Оттавы. Акцент юга я слышал в кино. Никогда в жизни.

Чувство появляется внутри Джайлса, холодное и твердое, как стекло.

Он может ошибаться по поводу имени Бреда, но сегодня он уйдет отсюда с прекрасным подарком. Когда-нибудь в будущем, это несомненно, Бред поделится с ним настоящим своим голосом, экзотическим канадским произношением, ну а затем... ну, это будет значить кое-что, не так ли?

Джайлс держит портфель для рисунков гордо, ожидает ярко-зеленого пирожного и чувствует себя частью этого мира – ничего подобного он не ощущал уже много-много лет.

7

– Я не должен повторять вам, насколько сильно пришлось потрудиться лучшим из наших людей, чтобы сделать это возможным, и что не все из них смогли вернуться и насладиться плодами своих трудов, – говорит Флеминг. – В данный момент я чувствую, что на мне ответственность донести до вас... и я рад, честно, что девушки-уборщицы здесь и могут слышать меня... что это, без вопросов, наиболее ценный образец, когда-либо попадавший в «Оккам», и с ним нужно обращаться, исходя из этой информации. Ясно? Понятно, что вы все подписали бумаги, но позвольте мне сказать это снова: совершенно секретные сведения не для жен, не для детей, не для лучшего друга, которого вы знаете с детства. Это все касается национальной безопасности, судьбы свободного мира. Сам президент знает ваши имена, и я надеюсь, что этого достаточно, чтобы удержать вас...

Напряженное тело Элизы вздрагивает, когда она слышит хруст открываемого замка, а ведь это даже не замок позади нее. Десятифутовые двойные двери на другом конце Ф-1, которые соединяют помещение с коридором, ведущим к грузовой эстакаде, распахиваются. Двое мужчин в бесцветной военной форме и касках вбегают и становятся по сторонам от дверей.

Они вооружены, как и охранники «Оккама», но вовсе не мелкими скучными пистолетами в кобурах. Длинные черные винтовки со штыками висят у них на спинах.

В комнату wpływa колесная грузовая платформа размером с автомобиль, ее толкают еще двое солдат. На платформе стоит то, что Элиза в первый момент принимает за огромный аппарат искусственного дыхания.

Полиомиелит был не поддающимся экзорцизму чудовищем в их сиротском приюте. Каждый ребенок, принужденный слушать безбожно затянутые проповеди и сухие лекции, мог легко вообразить себя навечно обреченным на объятия гробовой неподвижности.

Объект на платформе похож на стручок, но он гораздо больше, он из клепаной стали, швы заварены, сочленения закрыты резиной, и всюду торчат измерительные приборы. Кто бы ни находился внутри, думает Элиза, он должен быть ужасно болен, если даже его голову нужно держать внутри резервуара.

Флеминг забыл о своей речи, он уже направляет платфор-

му к расчищенному участку рядом с бассейном, и это раньше, чем Элиза осознает собственную наивность. Больные дети не заслуживают вооруженного конвоя.

Тот, кто входит последним, острижен под ежик, руки у него как у гориллы, а походка неуклюжая, словно он не привык к твердому полу под ногами. Он носит куртку из джинсы поверх серых штанов из саржи, и даже эта одежда, по-видимому, ему мешает.

Он обходит громадный стручок, раздавая указания – какие колеса повернуть, какие выпуклости нажать. Он не показывает пальцем; на запястье, удерживаемое ремешком из сыромятной кожи, болтается нечто вроде снабженной манжетой оранжевой дубинки, из которой торчат два металлических зубца.

Элиза не уверена, но думает, что это электрохлыст для быков.

И Флеминг, и доктор Боб Хоффстеттлер шагают к коротко стриженному, вытягивая ладони для пожатия. Но он смотрит мимо них, его взгляд обращен туда, где в дальнем конце лаборатории стоят Элиза и Зельда.

Парные вены, трепещущие на его лбу, выглядят как спрятанные под кожей рога.

– Что они здесь делают?

Словно в ответ, огромный резервуар вздрагивает на своей платформе, и пронзительный рев вырывается из него, хлеща воду в бассейне и пугая солдат, которые ругаются и хватают-

ся за винтовки.

То, что смотрится как рука, но не может ей быть, поскольку выглядит слишком большим, хлопает изнутри по одному из иллюминаторов в резервуаре. Элиза не в силах поверить, что стекло не трескается, но оно не трескается, зато сам резервуар качается, и солдаты выстраиваются, поднимая оружие, и Флеминг устремляется к уборщикам и кричит, и Хоффстетлер отскакивает, не пытаясь защитить их, и Зельда вцепляется в униформу Элизы точно клещами и тащит ее за собой вместе с двумя тележками, и мужчина с электрохлыстом задерживает пылающий взгляд на ее лице на мгновение перед тем, как опустить голову и развернуться, чтобы оказаться лицом к лицу с кричащей, находящейся в резервуаре вещью.

8

Коробки из Флориды представляют собой проблему.

Она знает это, и обещает себя распаковать их при первой возможности, и напоминает себе, что это приказ. Она вспоминает драгоценный момент из прошлого, с Ричардом, когда она, осмелевшая после того, как он испытал оргазм, осмелилась на сексуальную шутку, позволила намек на стойку смирно.

В последующие годы подобная распущенность с ее стороны отталкивала его.

Но в тот момент он только рассмеялся и прямо на кровати изобразил все, что нужно: пятки вместе, живот втянуть, руки по швам, никакой улыбки, полная серьезность.

Именно подобное настроение ей сейчас нужно изобразить, она обзавелась складным ножом, чтобы открыть коробки, она добыла мыльные подушечки «Брильо», «Аякс» с мгновенным эффектом отбеливания, чистящую пасту «Брюс», стиральный порошок «Тайд» и «Комет» с хлоринолом, все бутылочки и баночки полны и готовы к действию.

Она может разобрать вещи за два дня, если возьмется за дело, но она не способна. Всякий раз, открыв нож и поднеся его к упаковочной ленте, она чувствует, что собирается вскрыть брюхо самке лани.

В коробках кроются семнадцать месяцев иной жизни, такой, какую не найдешь на утоптанной дорожке, начавшейся еще в детстве: флирт, замужество, дети, домохозяйство. Вытаскивать вещи из этих коробок – словно вырвать внутренние органы у другой версии себя, многообещающей женщины с амбициями и энергией.

Она знает, что это все глупости, и разберется с этим. Обязательно.

Только это трудно, глядя на Балтимор из окна, под его собственным взглядом.

Но после того как Лэйни отвела детей в школу, у нее нет и не может быть оправданий. Каждый раз происходит одно и то же: она надевает туфли на каблуках для Ричарда, поскольку

ку видит, что босые ноги его раздражают; она винит Амазонку – возможно, некие голопятые дикари вызвали у него отвращение. Когда Ричард отправляется в «Оккам», туфли летят в угол, чтобы она могла погрузить пальцы в ковер. Немножко песка, некоторое количество крошек, но это все, в остальном чисто.

Она одевается, выходит и садится в автобус.

Поначалу она представляла все так, словно ищет церковь, и это не было ложью. Семье необходимо место, чтобы помолиться, и храм в Орландо был для нее буквально спасением в те первые месяцы без Ричарда, когда она искала опору под ногами.

Опора под ногами. Ее надо обнаружить снова.

Проблема в том, что тут, в Балтиморе, церковь есть в каждом квартале, и невозможно понять, баптистская ли она. Они посещали баптистскую церковь во Флориде. Может быть, епископальная подойдет? Она не очень уверена, что значит подобное слово.

Лютеранская, методистская, пресвитерианская – все это звучит приятно, искренне.

Она занимает место в автобусе, сидит прямо, руки сложены на сумочке, и катает запомнившиеся имена храмов по губам: Всех Святых, Святой Троицы, Новой Жизни. Смеется негромко, и ее дыхание затуманивает окно автобуса, так что она теряет город из виду.

Как может она выбрать что-то отличное от Новой Жизни?

Работающей женщине не положено убегать домой и прятать заплаканное лицо в подушку после того, как на нее наорали.

Ты успокаиваешь дрожащие руки, взяв в них свои инструменты, и возвращаешься к работе. Элиза хочет поговорить о том, что она видела и слышала, – огромная кисть, ударившая по иллюминатору, звериный рев из резервуара, но когда она пытается начать беседу, как становится ясно, что Зельда не видела руки, а звук отнесла к очередному мерзкому эксперименту над животными, от которого ее стошнит, если только она будет о нем думать.

Так что Элиза держит мысли при себе и размышляет: может быть, Зельда права, а она сама поняла все неправильно.

Лучшая вещь на сегодня – вычистить воспоминания из памяти, а во всем, что касается вычистки, Элиза может считаться экспертом. Она входит в кабинки мужского туалета, орудует ершиком, вычищая грязь из-под ободков унитазов. Зельда, закончив мыть пол, мочит кусок пемзы в раковине и хмурится на покрытые мочой писсуары, которые они отмывают годами, и ищет свежий повод для жалобы, чтобы поднять настроение.

Элиза верит в Зельду так, как в мало кого еще, та обязательно найдет повод, и они посмеются, несмотря на то что

придется отчищать писсуары и пол от липкой пленки, оставленной высокомерными мужчинами.

– Лучшие умы, говорят они нам, собраны прямо тут, в «Оккаме», – говорит Зельда, – а пятнышки мочи я вижу даже на потолке. Ты знаешь, что Брюстер – не самая сообразительная образина на свете, но даже он попадает в цель в трех случаях из четырех. Я не знаю, впасть ли мне в депрессию по этому поводу, или брякнуть в Книгу рекордов «Гиннеса». Может быть, они заплатят мне гонорар, если я подкину им свежую идею?

Элиза кивает и показывает «позвони», изображая жестами старинный телефон из двух частей, затем превращается в толпу высокомерных корреспондентов из Нью-Йорка с удостоверениями «Пресса» и шляпами.

Зельда схватывает идею и улыбается – бальзам на душу Элизы, и Элиза продолжает шутку, изгибая пальцы, чтобы изобразить «телетайп», а затем показывает отправку письма с помощью голубя. Зельда хохочет и показывает в сторону потолка.

– Я не могу представить, под каким углом... ну ты понимаешь, о чем я говорю? Вовсе не хочу показаться непристойной. Но как это укладывается в физику и все такое? Угол подъема поливочного шланга, направление разбрызгивания...

Элиза беззвучно хихикает, немножко шокированная и безмерно благодарная.

– Единственное, что приходит мне в голову – это соревнование. Типа Олимпиады? Оценки за высоту и дальность, оценки за стиль, если влиять сама-знаешь-чем очень хорошо. И надо задуматься, ведь все эти годы считали, что эти физические типы не имеют никаких физических навыков.

Элиза уже смеется так, что ее трясет, она раскачивается внутри кабинки, и события, произошедшие недавно, странные и страшные, тают, исчезают под напором «выступления» Зельды.

– Так, у нас тут два писсуара, – продолжает та, – я полагаю, что парное мочеиспускание тоже входит в программу, и...

Входит мужчина. Элиза отворачивается от унитаза, Зельда – от писсуара.

Только что его не было, и вот он здесь, и это настолько невероятно, что они забывают отреагировать. Пластиковый знак «ЗАКРЫТО НА УБОРКУ» – единственное, что защищает женщин-уборщиц от угрозы мужского вторжения, но этого всегда было достаточно.

Зельда поднимает руку, чтобы указать на знак, но не доводит жест до конца – уборщику не положено указывать на факт существования физических объектов человеку с более высоким статусом; а кроме того, ее шутки по поводу мужских туалетных увеселений до сих пор звенят из каждой трубы, раковины и контргайки.

Элиза ощущает стыд, потом стыд за то, что она почувствовала стыд.

Тысячи раз она и Зельда убирались в этой комнате, и понадобился всего один мужчина, чтобы они испытали подобное.

Мужчина невозмутимо выходит в центр помещения, в его правой руке – оранжевый электрохлыст.

10

Вращающаяся дверь «Кляйн&Саундерс» работает как машина фокусника.

На улице, среди других мужчин с портфелями, спешащих на очередную встречу, Джайлс брошен на произвол судьбы, стар, бесполезен. В крутящемся барабане, где происходит метаморфоза, стеклянные стены отражают бесконечное количество возможных, лучших «я».

Когда Джайлс выброшен в лобби, на его мраморный пол в виде шахматной доски, он совсем другой человек: рисунки – в руке у него, и тот, кто несет их, должен быть важным.

Так было всегда, сколько он помнил: создание картин было лишь прелюдией для удовольствия обладания ими, владения реальным объектом, который он силой воли призвал к бытию. Помимо картин ему нечем было похвастаться – грязная, запущенная квартира, да и та съемная.

Первым предметом искусства в его жизни стал череп, который отец Джайлса выиграл в покер. Имя Анджей он получил от поляка, которому принадлежал ранее. Именно череп

стал первым объектом для молодого художника, он рисовал череп сотни раз, на конвертах, на газетах, даже на собственной руке.

Как он перешел от изображения черепов к работе на рекламщиков двадцать лет назад — Джайлс едва мог вспомнить. Его первым местом стала та же текстильная фабрика, что и у его отца, и там он привык к щекотке в носу, вызываемой волокнами ткани, к мозолям, которые появляются, когда таскаешь тюки, к мягкой второй коже из красной глины, возникающей, когда ты промываешь хлопок в Миссисипи.

По ночам, всегда по ночам, он рисовал на бракованной бумаге, принесенной с работы, скандальные портреты, дававшие ему больше сил, чем еда, а ведь тогда, это точно, он был постоянно голоден.

Он использовал глину Миссисипи с собственных рук, чтобы окрашивать рисунки.

Десятки лет спустя это все еще оставалось его секретом.

Через два года он оставил как текстильную фабрику, так и удивленного таким поворотом отца, чтобы занять место художника в универсальном магазине Хатцлера. Несколько лет — и он перебрался в «Кляйн&Саундерс», где и провел большую часть карьеры.

Он бывал горд собой, но никогда не испытывал полного удовлетворения.

Его донимал дискомфорт по поводу того, что он не сделал ничего для искусства, для настоящего искусства. Ведь он ко-

гда-то решил, что будет им заниматься, не так ли? Наброски Анджея, обнаженные мужчины, изображенные мозолистыми руками на упаковочной бумаге из-под хлопка и подкрашенные в оранжево-красный с помощью глины из Миссисипи...

Джайлс постепенно начал чувствовать, что каждая фальшивая улыбка, которую он нарисовал для «Кляйн&Саундерс», выпивала настоящее веселье из тех, кто пытался строить свое счастье по недостижимым рекламным стандартам.

Он знал это чувство. Он жил с ним в обнимку.

«Кляйн&Саундерс» работали с серьезными клиентами, и поэтому в комнате для ожидания имелись пунцовые кресла модного немецкого дизайна и тележка с выпивкой, заведовала которой Хэзел, сурового вида секретарша со стажем побольше, чем у Джайлса.

Но сегодня ее почему-то не было, и некая раболепная девица с примороженной к испуганному лицу улыбкой оказалась брошена на растерзание дюжине нетерпеливых бизнесменов.

Джайлс наблюдает, как она случайно сбрасывает входящий звонок, пытаясь одновременно управиться с подносом напитков. Он оценивает витающее в комнате настроение по облаку сигаретного дыма: не висит празднично, как вокруг Адама, изображенного Микеланджело, но струится, как выпущенное из десятка поездных труб.

Он прощает ей, что она замечает его только через минуту.

– Мистер Джайлс Гандерсон, художник, – объявляет он. – На два пятнадцать к мистеру Бернарду Клэю.

Она нажимает кнопку и бормочет его имя в трубку.

Джайлс вовсе не убежден, что сообщение дошло куда надо, и просит бедное создание попробовать еще раз. Он поворачивается к толпе и думает: это невероятно, но двадцать лет спустя некоторая часть его все еще хочет быть частью этого шагающего, рычащего множества.

Он смотрит на секретаршу, на тележку с напитками, затем вздыхает и шагает ко второй, хлопнув в ладоши, чтобы привлечь внимание.

– Добрые сэры! – зовет он. – Что скажете, если сегодня мы сами смешаем для себя выпивку?

Они недовольно бормочут в ответ на такое вмешательство в их праведное негодование, один поднимает бровь. Джайлс знает подозрительное выражение, с которым на него смотрят, только вот, несмотря на все пережитое, он не знает, каким образом люди так быстро понимают, что он от них отличается.

Ему кажется, парик начинает отклеиваться.

Но если все пойдет не так, то «коврик» на его голове станет наименьшей из проблем.

– Преимущество творчества в том, – продолжает Джайлс, – что мы может сделать их столь же сырыми, насколько сух Балтимор. Кто не против мартини? – игра началась.

Но все эти бизнесмены в глубине души не более чем малые дети, обезвоженные и капризные, и восклицание одного «Сюда, сюда!» смешивается с «Отличный выбор» от другого, и через мгновение Джайлс уже управляется с баром, быстренько заполняя стаканы и нарезая лимон под достойные демонстрации крики «ура».

Посреди дебоша он находит момент, чтобы плеснуть в бокал бренди «Александр» и предложить его секретарше так, словно вручает ей «Оскара». Все аплодируют, девушка краснеет, солнечный луч вспыхивает на коктейльной пене, словно восход над Гавайями, и на мгновение Джайлс ощущает, что его мир вновь наполняется смыслом и энергией.

11

Зельда знает, как надо поступить.

Это вариация того, что она проделывала тысячи раз, на работе, но и в других местах, в ситуациях, когда на тебя давит мужчина. Покинуть его поле зрения, и быстро. Она изображает отстраненную улыбку слуги, хватает тележку и толкает ее к двери, огибая незваного гостя.

Но пол сырой, и тележку ведет, так что та задевает мусорное ведро: оно падает с грохотом, который разносится по всей комнате. Только что опустошено, слава небесам. Зельда все равно нагибается, чтобы поставить его обратно, хотя знает, что падение на колени подчеркнет ее лишний вес, вы-

ставит на посмешище.

Она пытается сделать все быстро и слышит протяжный хрустящий звук.

Подняв глаза, обнаруживает, что мужчина держит нечто совсем неожиданное, буквально противоположное его жуткому электрохлысту – пластиковый пакет, набитый ярко-зелеными леденцами.

– Нет-нет, не уходите, – говорит он. – Вы, дамочки, так весело тут болтали. Девчоночьи разговоры. Ничего в этом нет страшного. Продолжайте, я все сделаю быстро.

У него нет южного акцента, но в голосе слышится изгиб крокодильего хвоста.

Мужчина шагает дальше, и Зельда неожиданно осознает, что он движется к кабинке, в которой находится Элиза.

Неужели та увидела что-то в Ф-1 такое, чего не заметила сама Зельда?

Элиза всегда переживает, когда на нее кричат, но сегодня она ведет себя странно после того, как они удрали из той лаборатории; все выглядит так, словно она ошеломлена. Этот мужчина явился, чтобы наказать ее?

Зельда вздергивает себя на ноги – еще одно лишенное грации движение – и тянется к тележке, за единственным доступным ей оружием – щеткой для очищения накипи. Благодаря семейной жизни она знает кое-что о схватках.

У Брюстера за много лет накопилось больше боевых шрамов, чем у нее, но и Зельда получила свою долю.

Если этот человек попыбует причинить вред Элизе, то она сделает то, что нужно. Собственная жизнь Зельды после этого окажется полностью разрушенной, но у нее нет выбора.

Но мужчина неожиданно делает шаг в сторону, стук и шорох возвещают, что пакет и хлыст лежат на раковине, а жужжание молнии говорит, что расстегнута ширинка. Теперь уже Зельда смотрит в сторону Элизы, моля о помощи: если ее затуманенные ужасом глаза пропустили что-то в Ф-1, может быть, они хотя бы помогут ей сейчас.

Мужчина, вынимающий свою штукoвину прямо перед ними?

Элиза качает головой справа налево, а потом сверху вниз, демонстрируя здоровую реакцию. Одна вещь очевидна: Зельда не может смотреть на мужчину, ведь прямой взгляд на того, кто занят таким делом, окажется без сомнений воспринят как ужасное оскорбление.

Все, что он должен будет сделать, – пожаловаться Флемингу на непристойное поведение уборщиц, – и все, для «Оккама» они станут истoрией.

Так что Зельда усердно тарашится на пол и ждет, что по нему пойдут трещины.

Моча шипит в отчищенном писсуаре.

– Мое имя – Стрикланд, – звучит его голос. – Я обеспечиваю безопасность.

Зельда сглатывает.

– Угу, – это все, что она может выдать.

Она приказывает своим глазам не двигаться, но те вращаются сами по себе и видят брызги мочи на вымытом полу.

Стрикланд усмехается:

– Ууупс. Полагаю, очень хорошо, что у вас есть швабры.

12

Ричард осудил бы ее бесцельное блуждание по городу как пустую трату времени и был бы прав.

Но ее собственная отвисшая челюсть отвлекает Лэйни от сильного чувства вины. Высотные дома, рекламные щиты размером с гору, бензиновые колонки в виде роботов, трамваи цвета чеддера! Она чувствует узел собственного страха, ощущает себя так, словно ее режут ножом для коробок.

Автобус несется мимо витрин, освещенных даже днем: «МЫ СТАВИМ ГЛУШИТЕЛИ», «МАГАЗИН – ВСЕ ПО 1 ДОЛЛАРУ», «СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ», «ВСТУПАЙ В РЯДЫ ВВС». Она дает сигнал водителю и выходит на углу торговой улицы, которую местные зовут «Авеню», и начинает процесс избавления от лишних денег.

Она пробует говорить «привет» всем, мимо кого проходит, особенно женщинам.

Как было бы здорово обследовать город с подругой, знающей все его секреты! Способной отразить сарказм оскорбительных намеков на то, что ветер с гавани сотворил с тобой прической! Перед кем Лэйни может раскрыться, показать

особую, тайную жизненную силу, которую она чувствовала в те семнадцать месяцев без мужа!

Но женщины Балтимора пугаются ее приветствий и едва улыбаются в ответ.

После часа прогулки Лэйни чувствует себя одинокой, обреченной вечно быть чужаком. Она отправляется к остановке и тут наталкивается на мужчину; он принимает ее за туриста и пытается продать путеводитель.

В груди снова завязывается узел... все дело в прическе?

Высоко уложенные волосы, как у нее, во Флориде были последним пискom, но здесь все иначе. Она внезапно чувствует, что глубоко несчастна, что ей нужен путеводитель, и она покупает его.

«Балтимор, – учит ее книжечка, – имеет все, чтобы удовлетворить любую американскую семью».

В чем, конкретно говоря, ее проблема?

Тэмми должен понравиться художественный музей, Тимми с удовольствием заглянул бы в историческое общество, на западе города расположен «Энчантед форест», сказочный парк с аттракционами. Фото показывают замки и чащобы, принцесс и ведьм. Можно отпраздновать там день рождения детей этим летом.

Все прекрасно за исключением того, что второе имя парка – «Джангл лэнд». Единственное слово «джунгли» заставляет Ричарда отложить газету или сменить канал телевизора.

Им нужно быть осторожными, решая, куда идти.

Одна из последних прогулок случайно привела Лэйни к докам района Феллс-пойнт. Она попыталась забыть тот раз, но каждый день, наблюдая, как пар выходит из утюга, она вспоминает о нем и думает, что Амазонка опалила Ричарда, содрала с него кору и древесину, оставив только корни.

Это был серый день, и корабли, привязанные в доках, ритмично постукивали о причалы. Она шла по берегу реки Патапско, подняв воротник пальто до самого подбородка.

Чтобы попасть сюда, она сошла на остановке, оккупированной замотанным в рванье бродягой, и миновала заваленный битыми бутылками квартал, самый уродливый из всех, какие ей доводилось видеть. Ей встретился кинотеатр, и она едва не купила билет, просто чтобы избавиться от назойливых взглядов.

Но кинотеатр выглядел слишком запущенным.

Набережная оказалась пустынной, и никто не услышал бы ее, вздумай она говорить. Так что она говорила ложь прямо в холодную, качающуюся воду до тех пор, пока не высказала все: она счастлива, что муж вернулся, она довольна жизнью, испытывает оптимизм по поводу будущего, верит во все те статистические выкладки по поводу Балтимора, которыми снабжает ее Ричард.

Только двадцать процентов домохозяйств города имеют машины, а он поклялся, что скоро у них будет две. Ему вовсе не понравилось, заявил он, что его «Тандерберд» сломался, и он не позволит своей жене больше ездить на общественном

транспорте, даже если ему вновь придется отправиться на спасение мира.

Шагая обратно к остановке через тот квартал, который ей так не понравился, Лэйни встретила городского рабочего, поливающего тротуар из шланга. Как прекрасно, сказала она себе, что муниципалитет заботится о благоустройстве, и притворилась, что вода вовсе не взбалтывает лужицы собачьей мочи, не поднимает вонь гнилой рыбы, застоявшейся канализации, горелого масла и экскрементов.

Одна последняя ложь перед возвращением домой.

Одна дополнительная морщинка, которую нужно разгладить.

13

Берни провожает Джайлса в помещение, которое, как он надеялся, будет комнатой для переговоров, но оказывается не более чем пустующим офисом со столом и парой стульев внутри. Берни не садится, и Джайлс тоже не садится, хотя это выглядит почти враждебно после всех этих улыбок и рукопожатий.

Он напоминает себе, что если у него и есть здесь друг, то это как раз Берни Клэй, а не эти богатые солидные мужчины в лобби, в один глоток выпивающие свои коктейли. Берни был одним из тех, кто двадцать лет назад голосовал за то, чтобы пинком отправить Джайлса на улицу, но он сделал это

скрепя сердце, и Джайлс напоминает себе о бесполезности мученичества.

Детям Берни тоже надо есть, не так ли?

Воспоминания о событии, что стало причиной той катастрофы, удручает Джайлса, большей частью скучной предсказуемостью, ведь там сплошные клише и мифы о художниках. Бар в Маунт-Вернон, ворвавшиеся полицейские со вскинутыми значками.

Всю проведенную в тюрьме ночь его посещала одна и та же мысль – что его отцу в газетах больше всего нравится криминальная хроника. Джайлс надеялся, что глаза его старика, подобно его собственным, стали видеть хуже и не разберут мелкий шрифт. Позже, когда так и не получил ни единой весточки от родителя, он понял, что ошибался.

И через неделю после увольнения Джайлс взял себе первого кота.

Жульнические встречи с Берни стали значимой частью его работы в последующие годы. Но как мог он жаловаться, ведь никто больше, начиная с мистера Кляйна и мистера Саундерса, не одобрял сотрудничества с мистером Гандерсоном.

Он изображает широкую, яркую улыбку вроде той, которую оставил на холсте. Реклама, думает он, только на этот раз для себя.

– Что, ради бога, случилось с Хэзел? Не думал, что она способна пропустить день.

Берни ослабляет узел галстука.

– Ты не поверишь, Джайлси, старушка стрельнула глазками в одного фабриканта бутылок и... опа... Они отбыли в Лос-Анджелес... ну и расчет забрала, само собой, вот так.

– Нет! Я полагаю, это хорошо для нее.

– Для нас – плохо. Поэтому все у нас в беспорядке, мои извинения за бардак в лобби. Справимся с этим. Если вдруг знаешь достойную девушку, то дай мне знать, ладно?

Джайлс на самом деле знает достойную девушку, которая годами горбатится без надежды на карьеру в тоталитарных условиях исследовательского центра, но увы, Элиза не сможет отвечать на звонки. Несколько секунд, которые он тратит на обдумывание этой идеи, проходят в молчании, что заставляет Берни ежиться, и настроение Джайлса падает.

Берни находится в запертой комнате наедине с отщепенцем.

И сколь бы ни был Джайлс раз поболтать о старых добрых днях в рекламном бизнесе, он не может стать причиной дискомфорта для стоящего рядом человека.

– Ну, хорошо, позвольте мне показать вам работу... кое-что я сделал...

Оба с облегчением вздыхают, когда щелкают застёжки портфеля, шуршит кожа. Джайлс укладывает холст на стол и гордо указывает на него, хотя в этот момент он чувствует только панику.

Неужели что-то не так с освещением?

Семейство, которое он нарисовал, можно использовать как пособие по анатомии, словно их кожа протерлась и кости едва не торчат наружу. И правда ли он изобразил четыре лишенных тела головы, почему не заметил, насколько омерзительно они выглядят? Даже цвета словно выцвели, за исключением желатина, который выглядит магматическим апофезом красного цвета.

– Алое, – Берни вздыхает.

– Слишком ярко, – говорит Джайлс. – Полностью согласен.

– Нет, дело не в этом. Хотя губы папаши выглядят немного... кроваво... Просто. Цвет в целом не годится. Красный совсем не в моде. Мы больше не используем его. Неужели я не говорил вам об этом? Хотя может быть, и нет. Как я сказал, у нас бардак. Красный зарубили на совете директоров. Новый тренд... вы готовы? Теперь это зеленый.

– Зеленый?

– Велосипеды. Электрогитары. Хлопья для завтрака, даже тени для глаз и прочее. Внезапно оказалось, что зеленое – это будущее для всего. Даже новый вкус у всего... Зеленый полностью и совершенно. Яблоко, дыня, виноград, песто, фисташки, мята.

Джайлс пытается игнорировать квартет издевательски скалящихся черепов и тарашится на желатин, который они вроде бы хотят. Он чувствует себя глупым и слепым. Не имеет значения, упоминал ли Берни цвет раньше или нет, ведь

если у Джайлса есть хоть какой-то здравый смысл, то он должен был понять сам.

Что за сорт людоедского аппетита будет возбужден желатином столь красным, словно он извлечен прямо из быющего сердца?

– Это не я, Джайлси, – говорит Берни. – Это всё фотографии. Каждый клиент, проходящий через наши двери сегодня, хочет мгновенных снимков, красивых девушек с гамбургерами, пачками энциклопедий или что они там продают, и еще он хочет попасть на кастинг, чтобы посмотреть, кого мы выберем. Я последний человек в нашей конторе, кто пытается продать шишкам настоящее искусство. Искусство – это искусство, говорю я. А ты, Джайлси, великий художник. Надеюсь, у тебя было время рисовать что-то свое?

Рисунки выглядят как остатки пирожного с лаймом в ярком свете «Дикси Дау»: танталовы муки.

Джайлс засовывает их обратно в портфель.

Вес его не покажется на обратном пути столь успокаивающим, каким он был на пути сюда. Нет, Берни, за «что-то свое» он не брался очень много лет, поскольку был занят, рисуя и перерисовывая желатин, который не нужен никому вне зависимости от цвета будущего.

Стрикланд ощущает горячие мурашки стыда.

Струйка мочи ползет по плиткам пола – это слишком много, он хотел лишь чуток пугнуть уборщиц. Он планирует припугнуть всякого, кто увидел Образец сегодня ночью. Это трюк, которому он научился у генерала Хойта, когда они находились в Токио: всякий раз, когда сталкиваешься с кем-то менее значительным, покажи, что он ничего для тебя не значит.

Так что едва он увидел черную уборщицу, изогнутую спиной белой уборщицы и писсуар, замысел возник сразу же.

Но это отвратительно. Ссать наземь – это он делал в Амазонии.

Чистота – это то, что ему сейчас жизненно необходимо, и вот он, буквально мочится на нее.

Он оглядывается через плечо и наконец-то присматривается к той, что поменьше. Лицо у нее без макияжа, лишено того месива, которым так любит мазаться Лэйни, и от этого он чувствует себя только хуже.

Стрикланд напрягается, опустошая мочевой пузырь, и оглядывается, думая, что сказать. Находит электрохлыст – нет сомнений, что сейчас женщины уставились на него.

Эту штуку он выторговал у одного фермера перед тем, как покинуть Бразилию, и крестьяне, едва говорившие по-английски, именовали ее почему-то «алабамский привет». На самом деле помогала «мотивировать» Образец, когда надо было загнать его куда-нибудь или, наоборот, извлечь.

На одном из медных зубцов-электродов видно жирное

темно-красное пятно свернувшейся крови.

Стрикланд протягивает хлыст к белому фаянсу – надо до-
бавить еще беспорядка. Делает голос громче, чтобы не ду-
мать о том, насколько он сам себе отвратителен:

– У меня в руках мощный «Фарм-мастер» модели трид-
цать пятьдесят четвертого года, а вовсе не это новомодное
стеклопластиковое дерьмо. Сталь основы, дуб рукояти. Пе-
ременное напряжение от пяти сотен до десяти тысяч вольт.
Подойдите и посмотрите, дамочки, только не трогайте.

Его лицо горит, все звучит так, словно он расхваливает
собственный член.

Отвратительно. Отвратительно.

Что, если Тимми услышит отца, когда он разговаривает
вот так? Или Тэмми? Стрикланд любит своих детей, пусть
даже он боится к ним прикасаться, боится причинить им
вред. Они должны судить его исключительно по тому, что
сходит у него с языка.

Он ощущает, как поднимается гнев по отношению к этим
женщинам, что стали свидетелями его уродства. Конечно, не
их вина, что они находятся в этой комнате. Несомненно, их
вина в том, что они находятся на этой работе, что оказались
на этой позиции, ведь так?

Последняя капля мочи падает.

Он думает о жирной капле крови, висящей на «алабам-
ском привет».

Стрикланд встряхивает, аккуратно запаковывает свое хо-

заяйство и застегивает молнию с пугающим зевком. Женщина глядит в сторону. Что, остались брызги на штанах?

Он больше не в джунглях, он должен все время теперь думать о таких вещах. Накатывает желание убежать из этой слишком ярко освещенной комнаты, от беспорядка, который он устроил.

Покончить с этим, говорит он себе.

– Вы обе слышали, что сказал тот мужик в лаборатории, и я надеюсь, что мне нет нужды это повторять.

– Нас проверяли, – говорит негритянка.

– Я это знаю. Я тоже проверял.

– Да, сэр.

– Это моя работа – проверять все.

– Я сожалею, сэр.

Почему эта женщина все усложняет?

Почему другая женщина, намного более красивая, куда мягче на вид, не скажет чего-нибудь? Воздух в комнате становится влажным и смрадным, точно они на болоте. Воображение, ничего более. Его сердце тяжело бьется. Он тянется за мачете, но того нет. Хотя есть «привет». Отличный заменитель. Он жаждет схватить эту штуку покрепче.

Стрикланд выдавливая смехок через стиснутые челюсти:

– Смотрите. Я вовсе не поклонник Джорджа Уоллеса. Я думаю, у негров есть свое место. Да. На рабочем месте, в школах – те же самые права, что и у белых. Но вы, люди...

Нужно поработать над своим словарем. Ты слышишь сама себя? Повторяешь одни слова. В Корее я сражался рядом с негром, который был осужден за то, чего он не делал, поскольку когда судья захотел его расспросить, то черный только и смог выдать, что «да, сэр» и «нет, сэр». Именно поэтому столько ваших мы вынуждены сажать в тюрьму. Не имею в виду ничего личного. Я слышал, что они закрывают Алькатрас в следующем месяце и что там почти нет ваших, хотя там сидят худшие преступники этой страны. Большое достижение для вашей расы. Ты должна гордиться.

Ради всех чертей, о чем он болтает? Алькатрас?

Эти уборщицы наверняка решат, что он безумец, и в ту секунду, когда он уйдет, комната огласится их смехом.

Пот стремится по его лицу, стены сжимаются, температура стремительно растет. Стрикланд кивает, видит пакет с леденцами, подхватывает его и торопливо шарит внутри. Он не моет руки перед этим. Уборщицы точно это заметят. Отвратительно, отвратительно.

Он сует зеленый шар в рот и еще раз смотрит на испуганную женщину.

– Кто-нибудь из вас, дамочки, хочет сладкого?

Но леденец на вкус как лошадиное дерьмо, и он сам не может разобрать, что говорит. О да, они будут смеяться, в этом нет сомнений. Гребаные уборщицы, гребаные. Ему нужно жестче вести себя с учеными, не испортить дело, как это случилось здесь.

«Оккам» отличается от «Жозефины».

Он убедится в том, что каждый здесь поймет – именно он, Стрикланд, тут главный. Не Дэвид Флеминг, лакей Пентагона, не доктор Боб Хоффстетлер, добренький биолог.

Он поворачивается на пятках, поскальзывается. Надеется, что на мыльной воде, не на моче. Он хрустит леденцами так громко, что не слышит собственных шагов, он хватается «привет» с раковины.

Капля крови, вероятно, отвалилась. И уборщицы сотрут ее.

Но они запомнят ее. Запомнят его. Отвратительно, отвратительно.

15

Когда Стрикланд предложил им леденцов, это только добавило болезненной сладости к отвратительной сцене.

Элиза потеряла вкус к конфетам в том возрасте, когда почти все дети готовы убить за них. Даже сахарные пирожные, которые Джайлс порой приносил ей из «Дикси Дау», царапали ей горло.

Она вспоминает, как возникло ее отвращение: маленькой она глазела, разинув рот, на взрослых, в каждой мелочи столь же непостижимых, как и Стрикланд. В глазах людей, имевших тогда с ней дело, она не была ребенком с инвалидностью, ее называли глупой и непослушной.

Приют для сирот носил приятное имя «Балтиморский дом для маленьких странников». Но попавшие туда дети сокращали до просто «Дома», и это звучало очень иронично, поскольку он меньше всего походил на дом, описанный в книгах.

Безопасность. Комфорт. Веселье. Качели. Песочницы. Объятия.

Старшие дети могли показать тебе хозяйственные постройки, где находилось оборудование со штемпелем, на котором читалось прежнее имя Дома: школа Фенцлера для слабоумных и идиотов.

К моменту появления Элизы дети, чьи личные дела когда-то носили отметки «даун», «кретин» или «дефективный», были переименованы в «умственно отсталых», «задержавшихся в развитии» или «оставленных родителями». В отличие от еврейских или католических приютов, расположенных по соседству, миссия Дома состояла в том, чтобы сохранить тебя в живых, и только, чтобы когда тебя вышвырнут на улицу в восемнадцать, ты смог найти черную работу.

Дети Дома могли объединиться, точно так же как уборщики «Оккама» могли бы, но вместо этого недостаток еды, любви и заботы порождали жестокость, циркулирующую по кругу, словно кашель, и каждый знал, какие у его или ее конкурентов болевые точки. Тебе отправили в Дом, поскольку твои родители бедны? Тогда ты Голодная Гвен. Родители умерли? Ты Кладбищенский Карл.

Ты иммигрант? Ты Рыжая Роза или Гарольд Гунн.

Элиза узнала настоящие имена тех, с кем рядом провела много лет, только когда их выпустили из Дома.

Ее собственное прозвище было Молчок, хотя смотрительницы знали ее как «22». Номера сшивали материю разболтанного мира нежеланных детей, и у каждого был свой номер. Каждая вещь, приписанная к тебе, тоже несла его, и это делало легкой задачей найти виноватого, если что-то лежало не на своем месте.

Дети-отщепенцы вроде Молчок вели тяжелую жизнь, ее недругам надо было только засунуть ее одеяло себе под одежду, потом выкинуть наружу в грязь и смотреть, как найдут 22 на ярлычке и «ослушник» получит свое наказание.

Наказание могла назначить любая из смотрительниц, но Матрона любила делать это лично. Она вовсе не была хозяйкой Дома, но помимо Дома, у нее не было ничего. Когда Элизе исполнилось три, она догадалась, что Матрона воспринимает дикий выводок как отражение своего собственного буйного разума и, пытаясь смирить детей, норовит тем самым уберечь себя от сумасшествия.

Это не работало.

Она смеялась так, что маленькие начинали плакать, затем переходила к яростным всхлипываниям, служившим предупреждением для всех вокруг, она носила палку для задниц, ног и рук, линейку для пальцев и бутылку касторового масла для впихивания в горло. Но еще Матрона таскала с со-

бой сладости, а поскольку она так зависела от «подкормки» в виде рыданий и мольб, то Молчку доставалось больше, чем остальным.

Неисправимое маленькое чудовище, – так говорила она, – скрытное, замышляет.

Но хуже были другие дни, когда Матрона с завязанными в непристойные хвостики седыми волосами загоняла Элизу в угол, приставая с вопросом, не хочет ли та поиграть в куклы. Элиза проходила и через эти испытания, дрожа от ужаса, пока Матрона спрашивала, кто именно из «плохих девочек» мочит по ночам их кровати.

Именно в такие моменты и появлялись сладости.

Ты поступишь правильно, открыв мне секреты, – говорила Матрона. – Покажи. Только покажи на детей, чтобы я могла помочь им. Элиза ощущала все это как ловушку. Это и было ловушкой. Точно такую же расставил мистер Стрикланд со своим пакетом.

Так или иначе, но все предложенные сладости в конечном итоге оказываются ядом.

Элиза выросла – двенадцать, тринадцать, четырнадцать.

Она сидела в одиночестве у фонтанчика с питьевой водой, слушая болтовню других девчонок об алкоголе; ее собственная вода в стакане отдавала мылом. Она слушала, как они треплются по поводу танцевального кружка, и ей пришлось заморозить ладони на стаканчике с эскимо, чтобы те не сжались в кулаки. Она слушала, как они шепчутся насчет поце-

луев, и одна заметила: «Благодаря ему я почувствовала себя кем-то», и эта мысль засела у нее в голове на месяцы.

Что это за чувство – чувствовать себя кем-то?

Существовать не только в собственном мире, но и еще в чьем-то?

Другим местом, куда она потащилась следом за другими девчонками, стал «Аркейд синема». Она никогда не бывала в кино и, купив билет, ждала, что ее пригласят внутрь, ну а там она пять минут потратила, выбирая место, как будто от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь.

Возможно, так и произошло.

Тогда она посмотрела «Олененка»²⁹, и хотя они с Джэйлсом посмеялись над его сентиментальностью, когда наткнулись на него в ТВ, в тот раз она пережила почти религиозный опыт, ничего подобного она ранее не ощущала. Она обнаружила место, где фантазии были сильнее, чем реальная жизнь, где слишком темно, чтобы были видны шрамы, и темнота не только не осуждается, а за ее соблюдением следят вооруженные фонариками капельдинеры.

Два часа и восемь минут она ощущала себя целостной.

Вторым фильмом для Элизы стал «Почтальон всегда зво-

²⁹ Экранизация одноименной повести Марджори Роулингс, получившей в 1939 г. Пулитцеровскую премию. Художественный фильм 1946 года, в главной роли – Грегори Пек. Фильм рассказывает историю первопроходца Пенни Бакстера, который после Гражданской войны перебирается с женой и сыном во Флориду, где волей обстоятельств домашним животным семьи становится осиротевший олененок.

нит дважды»³⁰, и ничто не подготовило ее к плотскому жгучему кипению секса и насилия, к нигилизму, поскольку ничего подобного не было в библиотеке Дома, и ни о чем похожем не шептались другие девчонки.

Вторая мировая только закончилась, и улицы Балтимора кишели коротко стриженными солдатами, и она смотрела на них иначе, выходя из кино, и они тоже смотрели иначе. Но все ее попытки встречаться с кем-то завершались неудачами, поскольку у молодых людей слишком мало терпения, чтобы флиртовать с помощью пальцев.

По ее собственной оценке, она прокралась в «Аркейд синема» сто пятьдесят раз за три последних года в Доме. Это произошло еще до того, как кинотеатр оказался в кризисе, до того, как штукатурка начала отваливаться с потолка и мистер Арзаян, впав в отчаяние, принялся крутить фильмы в режиме 7 по 24.

И это было ее образование – настоящее образование.

Кэри Грант и Ингрид Бергман, ищущие дыхание друг друга в «Дурной славе». Оливия дэ Хэвилленд, уползающая от безумной женщины в «Змеиной яме», Монтгомери Клифт, бредущий через занавес пыли в «Красной реке»³¹.

Элизу в конце-концов поймал капельдинер, когда она

³⁰ Художественный фильм 1946 г., первая экранизация детективного романа Дж. Кейна. В главных ролях – Лана Тернер и Джон Гарфилд.

³¹ *Кэри Грант* (1904–1986), *Ингрид Бергман* (1915–1982), *Оливия дэ Хэвилленд* (1916–2017), *Монтгомери Клифт* (1920–1965) – актеры «золотого века» Голливуда.

пробралась на «Извините, ошиблись номером»³², но это уже не имело значения. Оставалась всего ночь до того дня, на который в Доме назначили ее день рождения, и поскольку он был восемнадцатым, то ей предстояло уйти и найти свое место в жизни.

Ужасающая перспектива, но в то же время радостная.

Она сможет покупать билеты сама, искать сама, с кем ей целоваться и от кого убегать, или просто идти.

Матрона проводила прощальное собеседование, куря сигарету и прохаживаясь по кабинету, и видно было, что она в ярости по поводу того, что Элиза все же выжила. Одно из женских обществ Балтимора снабжало выпускников Дома деньгами на месячную аренду жилья и чемоданом, набитым одеждой из секонд-хенда, и Элиза щеголяла в любимых вещах, в зеленом платье из шерсти.

Все, в чем она нуждалась, так это в шарфе, чтобы скрыть шрамы.

И она добавила еще один пункт и к так длинному списку дел: купить шарф.

«Ты станешь шлюхой к Рождеству», – поклялась Матрона.

Элиза вздрогнула, испуганная тем, что такая перспектива не пугает ее. Почему так? Она увидела достаточно голливудских фильмов, чтобы понять, что у всех продажных женщин

³² Художественный фильм 1948 г. в жанре триллер. Сыгравшая в нем Барбара Стэнвик была номинирована в 1949 г. на премию «Оскар» за «Лучшую женскую роль».

золотое сердце и что рано или поздно, но Кларк Гейбл или Клайв Брук или Лесли Ховард³³ заметит его сияние.

Именно эти мысли, скорее всего, и привели ее в тот же день к ее любимому месту в мире, к «Аркейд синема». Она не могла удержаться, чтобы не посмотреть «Жанну д'Арк» с Ингрид Бергман, она хотела лишь потеряться в том, что постер именовал «зрелищем тысячелетия» – до того как она потеряется в огромном Балтиморе, частью которого только что стала.

Она судорожно нашаривала монетки в сумочке, когда взгляд ее упал на криво повешенное объявление: «КОМНАТЫ В АРЕНДУ – СПРОСИТЬ ВНУТРИ».

Сомнений не было.

Несколько недель спустя, когда неоплаченный чек отделил ее от выбрасывания на улицу, она наткнулась на другое объявление – о том, что исследовательскому аэрокосмическому центру «Оккам» требуются уборщики. Она написала письмо, получила приглашение на собеседование и потратила утро, глядя любимое зеленое платье и изучая расписание автобуса.

За час до предполагаемого отправления случилась катастрофа – дождь.

А у нее нет зонта, и Элиза запаниковала, пытаясь не плакать, и слышала шум из соседних апартаментов. Она ни ра-

³³ Кларк Гейбл (1901–1960) – знаменитый американский актер. Клайв Брук (1887–1974), Лесли Ховард (1893–1943) – знаменитые британские актеры.

зу не встретила с жившим там мужчиной, хотя он почти всегда находился внутри, настоящий отшельник.

Но к этому моменту она забыла об осторожности и постучала в дверь.

Элиза ожидала увидеть коренастого, небритого, лохматого типа со злым взглядом, но открывший дверь человек имел аристократичный вид, был облачен в застегнутый пиджак, свитер, жилетку и рубаху, давно разменял пятьдесят, но смотрел живо из-за очков.

Он моргнул и привычным движением коснулся лысины так, словно забыл нацепить шляпу. Затем он увидел ее беспокойство, мягко улыбнулся и заговорил: «Добрый день. Кому я обязан удовольствием визита?»

Элиза извиняющимся жестом притронулась к горлу, и сделала знак для зонтика, интуитивно понятный. Удивление мужчины по поводу ее немоты продлилось мгновение. «Зонтик! Конечно! Зайди, моя дорогая, и я вырву его из подставки, подобно Экскалибуру из камня».

Он скрылся внутри апартаментов, а Элиза заколебалась – она никогда не была в доме помимо Дома. Она вытянула шею и увидела сумрачные очертания старинной мебели и слоняющихся всюду котов.

«Конечно, ты моя новая соседка. Как невежливо с моей стороны не нанести визит. Не принести ритуальную тарелку печенья. Боюсь, что единственное извинение, которое я могу предоставить, – это дедлайн, намертво приколовивший меня

к столу».

Упомянутый «стол» вовсе не выглядел как стол, а большая широкая доска на специальной подставке. Ее сосед был художником, и Элиза чувствовала, как ее качает. Наполовину нарисованная женщина улыбалась с холста, вокруг ее головы вились кудри. Ниже красовалась подпись: «НИКАКИХ БОЛЬШЕ ТУСКЛЫХ ВОЛОС!»

«Мое небрежение непростительно, и пожалуйста, дай мне знать, если тебе понадобится что-либо еще, хотя я настоятельно рекомендую тебе обзавестись своим зонтом. Я видел, что ты держишь расписание автобусов, а остановка находится дальше, чем хотелось бы. Увы, как ты заметила, многие вещи далеки от идеала в «Аркейд синема», но лови момент и все такое. Я осмелюсь предположить: у тебя все в порядке?» – он замер и посмотрел на Элизу, ожидая ответа.

Она не удивилась – едва люди начинают говорить, они обычно забывают о том, что собеседник их лишен способности производить звуки. Но этот мужчина лишь улыбнулся, его тонкие каштановые усики шевельнулись, точно раскрытые для объятия руки.

«Ты знаешь, я всегда хотел выучить язык знаков. Какая отличная возможность!»

Слезы беспокойства, которые Элиза сдерживала неделями, вырвались с благодарным всхлипом, но она задавила их, поскольку у нее не было времени обновлять макияж. В последующие минуты Джайлс Гандерсон, как он назвался,

отыскал зонтик, и решил, что отвезет ее куда надо, и отказался принимать ее протесты.

Пока они ехали, Джайлс развлекал ее рассказами на всякие отвлеченные темы и замолчал, только когда охранник «Оккама» заметил, что его в списке гостей вовсе нет. Охранник велел Элизе выбраться из микроавтобуса прямо под молящие струи дождя.

«И куда бы ты ни направляла свой бег, удача да пребудет с тобой, и пусть ее старая туфля летит за тобой! – прокричал Джайлс ей в спину. – Альфред Теннисон».

«Туфля, – повторила она, глядя на свою уродливую обувь из секонд-хенда, как та разбивает лужицы на тротуаре. – Если я получу эту работу, то куплю красивые туфли».

16

Таинственное явление Стриккланда оттеснило выходки Брюстера и стало любимой темой для разговоров.

Элиза не могла перестать думать о том, что она видела в резервуаре, хотя не делилась мыслями с Зельдой, и воспоминания становились все более нелепыми с каждым днем. Зато Зельда, к облегчению подруги, начала снимать напряжение, выискивая поводы для шуток во всем подряд.

Сообразила, как можно звать военных полицейских, явившихся со Стриккландом: «пустышками», поскольку эти молчаливые суровые типы выглядели так, словно у них нет

ни разума, ни чувств.

Но по меньшей мере «пустышек» было несложно избежать, поскольку они топали по коридорам, бряцая амуницией. Даже сейчас они слышали парочку и поэтому двигались обходным маршрутом, свернув в холл, который обычно оставляли напоследок.

– Даже когда «пустышки» не на тропе войны, я знаю точно, где они, – говорит Зельда. – Они дышат в унисон, ты заметила? Это как воздух выходит из клапана, ухxxx... Говорю тебе, все эти новые люди здесь, и чтобы все осталось так же тихо? Нет, никогда!

Но не успевает Элиза показать ответ, как только что упомянутая тишина, царившая тут декадами, рвется в клочья. Если она слышит такой звук в районе «Аркейд синема», то начинает искать глазами машину, за которой можно спрятаться, а потом бросается к ней, вспоминая рассказы об уличной преступности.

В «Оккаме» подобный грохот звучит столь чудно, что его можно списать на крушение космического корабля. Зельда ныряет за свою тележку, как будто дешевый пластик и бутылочки с чистящими средствами смогут защитить ее.

Затем грохочет второй раз, третий; звук вовсе не мягкий, он похож на хлопок кнута. Его производит нечто механическое, приводимое в действие спусковым крючком, и у Элизы нет выбора: она в конечном итоге признает, что это выстрелы.

За ними следуют крики и кроличья чечетка бегущих ног, обе приглушены ближайшей дверью, на которой виднеется Ф-1.

– Прячься! – умоляет Зельда.

Она повторяет это языком знаков, и Элиза ощущает горячую любовь к подруге. Осознает тот факт, что все еще стоит, и в этот момент дверь открывается, ударяется о стену так громко, что это похоже на выстрел.

Зельда вздрагивает так, словно в нее угодила пуля, оседает на бедро и закрывает лицо руками. Элиза тоже ощущает дрожь, но в следующий момент она замирает, ошарашенная видом людей, появившихся из двери.

Флеминг несется первым, украшенный гримасой, хорошо знакомой всем, кто видел его чрезмерную реакцию на забившийся туалет или лужицу в коридоре, и экзотике картине добавляют кровавые пятна на рукавах. Третьим мчится Боб Хоффстетлер, он выглядит расстроенным, очки сидят криво, редющие волосы разлохмачены, а в руках – груда сырого тряпья, которая может быть чем угодно: полотенцем, халатом, рубашкой.

Его взгляд, острый, как обычно, вонзается в Элизу.

– Вызовите скорую помощь! – акцент, обычно едва заметный, сейчас звучит грубо.

Между ними двумя находится Стрикланд, его глубоко посаженные глаза пылают, губы оттянуты в жуткой улыбке. Он с силой сжимает запястье левой руки, которая заканчивает-

ся не обычной кистью, но букетом из пальцев, что торчат под разными углами, сочатся кровью, и некоторые «украшены» полосками содранной кожи.

Алые капли падают на пол со звонким ярким грохотом, как металлические шарики. Элиза смотрит на них, на эти жидкие рубины, и понимает, что ей придется их убирать.

«Пустьшки» вылетают наружу, растапывая аккуратные пятнышки крови, прикрывают Стрикланда с боков, нацеливая ружья на Элизу и Зельду с такой легкостью, словно орудуют игрушками. Это действия по разгону, это очистка места происшествия.

Элиза хватает тележку, разворачивает ее и ощущает, как скользят задние колеса.

17

Антонио оказывается первым, кто спрашивает, все ли в порядке.

Едва они входят в кафетерий.

Его косые глаза смотрят вопросительно на Элизу и Зельду одновременно, но Зельда знает, что именно ей предстоит отвечать, ведь все это время никто, кроме нее, не озаботился выучить язык знаков.

Она устала от этого, она не хочет отвечать за что-то здесь, дома или где угодно.

Руки ее трясутся, и она скрывает этот факт, отворачива-

ясь к автомату с закусками. Изучает геометрически правильные сэндвичи и пластиковые на вид фрукты с таким видом, словно это еще один трехчасовой перекус.

Дуэйн прибывает следующим, беззубый, как тритон, и такой же писклявый.

Иоланда врывается, уничтожая всякое понятие о сдержанности, она вопит так, словно газует на машине без глушителя, она не может жить тихо, половина ее мозга отвечает за бесконечное бла-бла-бла. Зельда позволяет взгляду расфокусироваться, пока в поле зрения не остаются только отделения автомата, открываемые никелевыми монетками крошечные дверки в Страну чудес, куда попала Алиса.

Если бы только она могла стать маленькой, она бы пролезла внутрь, чтобы убраться отсюда.

Вместо этого она обречена снова и снова прокручивать внутри себя кровавое извержение из Ф-1. Она пытается вызвать в себе симпатию к мистеру Стрикланду: сможет ли он в следующий раз, посетив мужскую комнату, самостоятельно расстегнуть ширинку?

Но такая симпатия выглядит так, словно она рубит лед ребром ладони.

Нет шансов, что мужчина догадается, – каково приходится черной женщине, которую загнал в угол белый с электрохлыстом.

Зельда поднимает глаза и замечает Люсиль, чье белое лицо делает ее почти невидимой на фоне белой стены.

– Смотри, даже Люсиль расстроена! – восклицает Иоланда. – ¿Que pasa?

Зельда поворачивается, она бы хотела избежать этого, она не хочет смотреть на Элизу прямо сейчас. Она любит эту костлявую девчонку так сильно, но не может избавиться от мысли, что та во всем виновата, ведь она настояла, чтобы они последовали сомнительным указаниям ЛПК и вошли в Ф-1, и это в конечном итоге привело к знакомству с плохой стороной мистера Стрикланда.

Зельда не в силах перестать думать, что сегодня Элиза намеренно задержалась у тех дверей, и благодаря этому они оказались в самой паршивой ситуации, когда началась стрельба.

Элиза оседает на своем стуле так, будто Зельда пнула ее в грудь изо всей силы. Зельда чувствует себя ужасно, а затем говорит себе, что не стоит чувствовать себя ужасно. Элиза – прекрасный человек, но кое-чего она не схватывает, да и не может это сделать.

Кое-что пошло неправильно в «Оккаме», и обвинят во всем вовсе не белую женщину.

Черт, ведь Элиза в одной из лабораторий сунула в карман найденную мелочь так, словно это в порядке вещей!

А если это ловушка?

Элиза никогда даже не помыслит о подобном – что, если один из ученых оставил там деньги, чтобы проверить ночных уборщиков на честность, и когда они исчезнут и Флеминг об

этом узнает, то догадайтесь с трех раз, чья шея окажется на мясницкой колоде?

Элиза живет в мире, который сама придумала; посмотреть хотя бы на ее туфли. Зельда представляет восприятие подружки как одну из тех диорам, которые она видела в музее: идеальная маленькая реальность, около которой даже дышать нужно осторожно.

Мир Зельды совсем не таков, она не может включить ТВ, чтобы не увидеть, как маршируют черные, вскидывая руки в насыщенном гневом воздухе. Если Брюстер замечает подобное, он немедленно меняет канал, и Зельда в глубине души ему благодарна, хотя это и выглядит бесхребетным.

Все, связанное с расовым вопросом, подавляется в США, и взгляды, которые она ловит на следующий день после марша, выходя на работу, содержат обещание убийства. По всей стране люди, подобные Дэвиду Флемингу, только ищут причины, чтобы уволить женщину, подобную Зельде Фуллер.

Какую еще работу может она найти?

Она живет в Олд-Вест с рождения, и район не изменился за все эти десятилетия. Разве что стал более многолюдным и более сегрегированным – Зельда понимает концепцию запугивания владельцев недвижимости, но не напрягается по этому поводу.

Она мечтает о пригородах, о месте, где можно чувствовать вкус воздуха, как хвою и зефир, ощущать, как он смывает яд «Оккама» с тела.

Она не сможет работать здесь, если переберется из центра, – слишком далеко ездить. Поэтому она откроет собственный уборочный бизнес, и обязательно возьмет в него Элизу – она говорила это подруге сотни раз, – наймет других умных дамочек и будет платить им честно, как никогда не будет мужчина.

Зельда ждет, что Элиза воспримет эти планы всерьез, а когда та улыбается, то не винит подругу: откуда взять столько бабла, когда у нее рядом Брюстер, работающий лишь после дождичка в четверг? Какой банк выдаст кредит на свое дело черной женщине?

Зельда представляет кафетерий как дневной рай для белых, для их шуток и забав, но по ночам он пуст и зияет, словно пещера. Шаги доносятся из холла, приближаются. Это Флеминг, и вся высота его положения читается в решительной походке.

Зельда смотрит на Элизу, на лучшую подругу, на того, кто может погубить ее жизнь, и ощущает, как мечты о том, чтобы убраться из Олд-Вест и из «Оккама», вытекают из нее подобно крови, струящейся по зубцам электрохлыста, который держит Стрикланд.

– Девочки, мы в затруднительном положении, в реальной заднице.

Коридор до сих пор полнится эхом грохота и жаждой насилия.

Не дожидаясь, пока ее попросят, Элиза макает швабру в мыльную воду, отжимает и начинает замывать мазки крови. Флеминг тем временем отдает распоряжения Зельде. Обычное дело – она по крайней мере может голосом ответить, что все поняла.

– Вы обе нужны мне внутри Ф-1 прямо сейчас, – говорит он. – Срочная работа. Никаких вопросов, пожалуйста. Просто сделайте, что должны, хорошо, но очень быстро. Времени у нас мало.

– Что вы хотите от нас? – спрашивает Зельда.

– Зельда, лучше, если ты выслушаешь меня. Там есть... биологический материал. Прямо на полу. Проверьте все углы. Я не должен объяснять тебе подобные вещи, ведь так? Ты знаешь, как делать свою работу. Просто уберитесь там как следует.

Элиза смотрит на дверь – на ручке тоже кровь.

– Но... не окажемся ли мы...

– Зельда, что я сказал? Я бы не послал вас внутрь, если бы там имелась опасность. Просто держитесь подальше от резервуара. Это большой металлический объект, доставленный к нам мистером Стрикландом. Ни в коем случае не подходите к нему. Никакой причины для того, чтобы приближаться к этой вещи, не существует. Понятно? Зельда? Элиза?

– Да, сэр, – отвечает Зельда, а Элиза кивает.

Флеминг начинает говорить дальше, но затем бросает взгляд на часы.

Его рубленые фразы показывают вызванную стрессом потерю ораторских способностей:

– Пятнадцать минут. Безупречно. Полная сдержанность.

Лаборатория та же самая, но многое тут изменилось: из пола «выросли» толстые бетонные столбы, каждый с петлей на конце, к которой можно привязать живое существо; столики на колесах, заваленные всякими медицинскими приспособлениями, торчат меж бежевых компьютеров словно технологические опухоли; большой стол расположился в центре, его колеса указывают в четырех разных направлениях; хирургические инструменты разбросаны как выбитые зубы; ящики выдвинуты, раковины полны, сигареты еще дымятся, одна на полу.

Над полом, как обычно, придется хорошо потрудиться.

Кровь повсюду, и, глядя на нее, Элиза думает о фотографиях из журнала, где изображены затопленные низменности. Озеро алой жидкости размером с тарелку поблескивает в свете ламп, пруды, протоки и лагуны отмечают траекторию, по которой двигался к двери мистер Стрикланд.

Зельда толкает тележку через озерцо и хмурится, когда видит след крови за одним из колесиков. У Элизы нет выбора, и она повторяет маневр, слишком ошеломленная, чтобы придумать что-то похитрее.

Пятнадцать минут.

Элиза льет воду на пол, она булькает, стирает капли крови, порождает розовые завихрения. Так ее учили действовать в Доме: если вдруг окажешься на арене жизни, разбавляй тайну жизни, восхищение, желание, ужас – до тех пор, пока они не перестанут тебя касаться.

Она шлепает шваброй в центр грязного пятна и собирает его понемногу, пока пряди не распухают и не темнеют. Это нормально, как и звук – протяжное чавканье, мягкий шорох – и она сосредотачивается на нем.

Покрытый сажей ожог на бетоне должен был остаться после выстрела одного из «пустышек»: вытирай над ним. Электрохлыст, миллион фунтов угрозы, невозможно притронуться: вытирай вокруг.

Элиза говорит себе не смотреть на резервуар. Не смотри на резервуар, Элиза.

Элиза смотрит на резервуар.

Даже в тридцати футах от нее, рядом с большим бассейном, он выглядит слишком большим для лаборатории: присевший на корточки ожидающий динозавр. Он прикручен к четырем бетонным столбам, деревянная лестница обеспечивает доступ к верхнему люку.

Флеминг сказал правду в одном отношении: около резервуара крови нет.

Никакой причины подходить.

Элиза говорит себе отвести взгляд. Отведи взгляд, Элиза.

Элиза не может отвести взгляд.

Уборщицы встречаются в центре залитой кровью области, Зельда проверяет часы, утирает пот с носа, берется за ведро, чтобы плеснуть еще один, последний раз. Кивком дает Элизе понять, чтобы та собрала с пола инструменты, чтобы их не смыло в сторону. Элиза становится на колени и берется за дело.

Пинцет, скальпель со сломанным лезвием, шприц с погнутой иглой.

Наверняка все это – собственность доктора Хоффстетлера, но она не может поверить, что этот человек может причинить вред кому-либо или чему-либо, ведь он выглядел таким опустошенным, когда выбрался из лаборатории.

Элиза поднимается и аккуратно раскладывает инструменты на столе, точно служанка в гостинице, накрывающая на стол. Она слышит, как клокочет вода, изливаясь из ведра Зельды, и краем глаза видит, как растягиваются по полу блестящие длинные щупальца.

Зельда хмыкает:

– Только глянь на это! Уборщикам приходится уходить к погрузочной эстакаде, чтобы покурить тайком, а эти дымят сигарами прямо тут, словно...

Зельда не тот человек, чтобы с задушенным всхлипом остановиться посреди фразы.

Элиза поворачивается и видит, что швабра подруги валяется ручкой вперед. Ладони ее сложены перед грудью, и она

держит два объекта, только что извлеченных из-под стола, два объекта, которые она приняла за сигары.

Руки Зельды трясутся и расходятся, объекты падают, один беззвучно, другой с мягким звоном, и с него соскальзывает серебряное обручальное кольцо.

19

Зельда отправляется за помощью, Элиза слышит, как ее шаги удаляются по коридору. Она сама продолжает смотреть на пальцы Стрикланда: розовые, на одном след от кольца, зазубренные ногти, пучки волосков на костяшках, след от кольца бледный, участок кожи был скрыт от солнца много лет.

Элиза вспоминает тот момент, когда Стрикланд вылетел из лаборатории – точно, он держался за левую руку. Именно эти два пальца рылись в хрустящем целлофановом пакете с зелеными леденцами.

Она не может просто так оставить их здесь, ведь пальцы можно пришить обратно. Она читала о таком. Может быть, доктор Хоффстетлер знает и умеет, как это сделать. Кривясь, она смотрит по сторонам: Ф-1 – лаборатория, тут должны быть контейнеры, мерные емкости.

Но лаборатории «Оккама» кажутся насмешкой над людьми вроде нее – невозможно понять, чем в них занимаются, а находящиеся внутри инструменты выглядят таин-

ственно и чуждо.

Ее взгляд опускается в отчаянии, и она видит рядом с мусорным пакетом нечто более естественное для ее среды обитания: смятый пакет из коричневой бумаги. Она идет к нему, встряхивает, чтобы открыть, и сует руку в маслянистые недра, чтобы управлять пакетом как куклой-перчаткой.

Эти комки на полу – вовсе не человеческие пальцы.

Это мусор, который надо подобрать.

Элиза опускается на колени и пытается выполнить эту задачу, нащупывает нечто похожее на два кусочка тушеной курицы, слишком маленькие и мягкие, чтобы схватить. Они вываливаются один раз, второй, разбрызгивая кровь, словно упавшие кисти Джайлса – краску.

Она задерживает дыхание, стискивает челюсти и подхватывает их голой рукой. Пальцы чуть теплые – как вялое рукопожатие. Она пихает их в пакет, закручивает верх. Вытирает ладонь об униформу и в этот момент замечает откатившееся обручальное кольцо.

Элиза не может оставить его просто так, но не находит сил открыть пакет снова. Поэтому цепляет украшение и роняет его в карман фартука, после чего встает и пытается восстановить дыхание.

Пакет в ее руках кажется пустым, словно пальцы уползли как черви.

Элиза одна, вокруг тишина. Но разве это тишина?

Она слышит мягкое шипение, шум воздуха, исходящего

из небольшого клапана. Оглядывается и еще раз смотрит на резервуар, и второй вопрос, еще более смущающий, появляется внутри: одна ли она?

Флеминг предупредил их, запретил приближаться к резервуару. Но звук не стихает.

Не подходи к нему, говорит Элиза себе. Она смотрит вниз, на яркие туфли. Сверкая в свете ламп, они движутся по мокрому полу. Она подходит к резервуару.

Несмотря на то, что ее окружают последние достижения прогресса, она ощущает себя пещерным человеком, направляющимся к зарослям, из которых донеслось рычание. Что было безрассудством два миллиона лет назад, остается таковым и сейчас.

Почему-то только пульс ее не учащается, как в тот момент, когда она подбирала пальцы Стриккланда. Возможно, это потому, что Флеминг пообещал: ты в безопасности. Или потому, что каждую ночь ей снится глубокая темная вода, и вот она, плещется за иллюминаторами цилиндрического резервуара.

Темнота. Вода.

Ф-1 слишком ярко освещена, чтобы глаза сразу привыкли к царящему внутри мраку, так что она опускает пакет и представляет ладони к вискам, прижимается к холодному стеклу. Отраженное сияние заставляет ее чувствовать, что она скользит по спирали, и только потом Элиза понимает, что иллюминатор изнутри полностью закрыт водой.

Нос ее расплющивается, и наконец ускоряется пульс, из памяти лезут кошмары об аппарате искусственного дыхания.

В темной воде вихрятся круговороты тусклого света, и Элиза задерживает дыхание. Это словно кружащиеся вдали светлячки, и она прижимается теснее, желая приблизиться к ним, испытывая почти физическую тягу.

Светящаяся субстанция изгибается, поворачивается, танцует подобно занавесу, украшенному арабесками. Окутанная в сверкающие точки, обозначается некая форма. Плавающий мусор, пытается убедить себя Элиза, и не больше того, и тут луч света ударяет в пару светочувствительных глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.